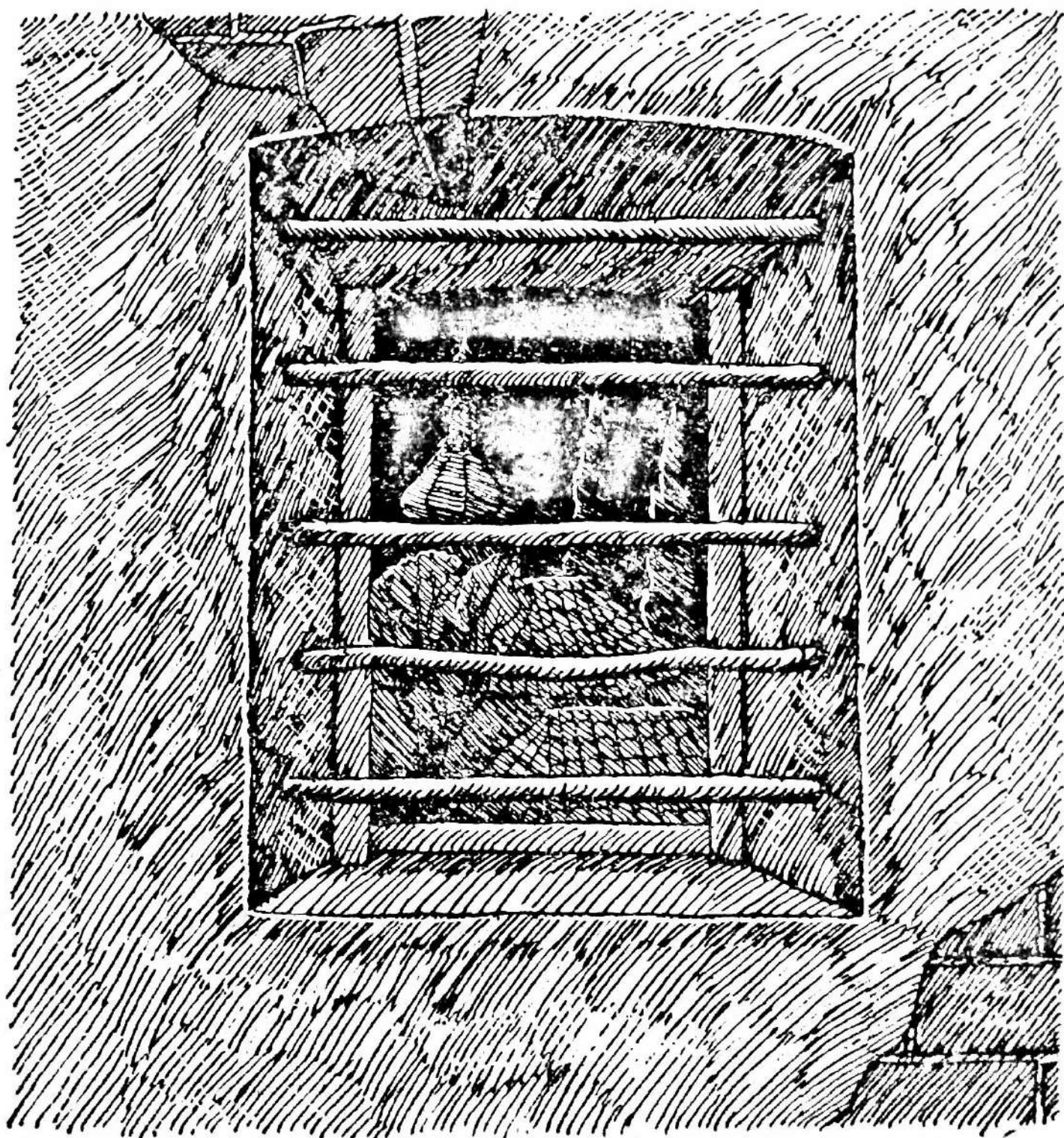


НОЧНАЯ ИСПОВЕДЬ

*Драма
в двух частях*



Действующие лица

- Глебов Борис Ильич
главврач городской больницы, хирург, 40 лет.
- Глебова Юлия Петровна
его жена, детский врач, 36 лет.
- Коверга Андрей Богданович
врач-терапевт, 45 лет.
- Ласточкин Евгений Романович
кларнетист, 26 лет.
- Брянский-Мартинелли Анатолий Данилович
комический артист, 50 лет.
- Зайцев
неизвестный человек, 45 лет.
- Эдик Коверга
19 лет.
- Леля
18 лет.
- Миронец Зиновий Платонович
полицай, 27 лет.
- Самарин Николай Николаевич
полицай, 53 лет.
- Эвальд Гисслинг
майор, комендант города, 40 лет.
- Генрих фон Галем
его адъютант, оберлейтенант, 25 лет.
- Август Шольц
дезертир, 38 лет.
- Офицеры, вахтманы, полицейские.

Действие происходит на юге Украины в небольшом городе
весной 1944 года.

Часть первая

Картина первая

Католический собор. В нем временно оборудованный кабинет коменданта города майора Эвальда Гисслинга. Поздний вечер. За окном — дыхание весны.

Гисслинг за столом перебирает бумаги, его адъютант, обер-лейтенант Генрих фон Галем, стоит у окна. Изредка слышится артиллерийская стрельба.

Гисслинг (обернулся к фон Галему). Который час?

Фон Галем. Скоро двенадцать. (Помолчав.) Собираетесь спать?

Гисслинг. Это безнадежно. До утра у меня бессонница.

Фон Галем. Что-то новое, Эвальд.

Гисслинг. Началось все тотчас, как вы ушли в отпуск. Очевидно, я скучал о вас. Вы гуляли по Кенигсбергу, а я не спал ночами.

Фон Галем. Пробовали снотворные?

Гисслинг. Не помогают. Я подозрительно много стал размышлять, Генрих.

Фон Галем. Неудачно складывающаяся война — отличный повод для размышлений.

Гисслинг (наливает себе в рюмку коньяк). В тылу тоже считают, что она складывается неудачно?

Фон Галем. Настроения весьма разнообразны.

Вдали бьет артиллерия.

Вам не кажется, что артиллерийская стрельба... несколько приблизилась?

Гисслинг (внимательно посмотрел на него). Нет, милый.

Фон Галем. У оптимистов не бывает бессонницы, Эвальд.

Гисслинг. Я кажусь вам оптимистом? Чушь! Я весьма при-

зрачная фигура... Комендант города, почти сданного русским. Все эвакуировались... Даже гестапо! И только мы с вами, разместившись в этом соборе, имитируем власть. Мы — и два десятка полицейских, которым обещана эвакуация.

Фон Галем. Вы убеждены, что мы покинем город?

Гисслинг. Война — это цепь случайностей. (Улыбнулся.) Перейти в наступление? И это возможно. Все неясно, милый. Все, кроме конечного итога.

Отворяется дверь — вахтманы вводят в комнату Андрея Ковергу, Бориса Глебова, Юлию Глебову, Эдика, Лелю и Августа Шольца. За ними идут Николай Николаевич Самарин и Зиновий Миронец, у Миронца в руках пистолет.

Гисслинг (оглядел всех). Что это за люди?

Самарин. Задержаны нами.

Гисслинг. Рассказывайте, господин Самарин.

Самарин. Обо всем доложит Миронец, это его находка.

Миронец (выходит вперед). Дело такое: было сообщено, что в подвале дома пять по Тираспольской улице хоронится человек. Отправились туда. Был обнаружен немецкий солдат, прятался в подвале между ящиков. Ясно — дезертир. Я стал думать: сам он туда залез или его приютили? Произвели в подвале обыск: была обнаружена еда на тарелках из сервиза владельца дома. Ясное дело — они прятали его и кормили. В результате было задержано пять человек: трое в доме (указывает) — Глебов Борис и жена его Глебова, домовладельцы, и ихний жилец Андрей Коверга, все трое — врачи городской больницы. В саду при доме были задержаны еще двое — вот эти... (Указал на Эдика и Лелю.) Обнимались они там. А может, и маскировка. В общем, налицо укрывание дезертира, а возможно, что и по-серьезней... Немца арестовывать мы прав не имеем. Но все же привели. На усмотрение.

Гисслинг (Шольцу, по-немецки). Имя?

Шольц. Август Шольц. Рядовой 528-го пехотного полка.

Гисслинг. Дезертировали?

Шольц. Да.

Гисслинг. Кто вас прятал?

Шольц. Никто. За все отвечаю я один. *(По-русски к арестованным.)* Я подтвердил, что мне никто не помогал...

Гисслинг *(вахтманам, по-немецки)*. Убрать его.

Миронец. Расстрелять?

Фон Галем. Немца расстреливают немцы. Запомните это, Миронец.

Шольц *(Глебовой)*. Я навлек беду на весь ваш дом. Я даже не смею просить у вас прощения.

Глебова. Вы не виноваты.

Шольц. Если меня не расстреляют сразу, я постараюсь доказать вашу невиновность.

Гисслинг *(вахтманам, по-немецки)*. Увести, я сказал...

Вахтманы в сопровождении Самарина уводят Шольца.

Кто домовладелец?

Глебов. Я. Глебов Борис Ильич.

Гисслинг. Вы доктор?

Глебов. Главный врач городской больницы.

Гисслинг. Конечно, вы будете отрицать, что помогали укрыться дезертиру?

Глебов. Этого человека мы видим в первый раз.

Гисслинг. Ваша жена ничего не добавит? *(Глебовой.)* Каким образом ваши тарелки оказались у дезертира?

Глебова. Целый день нас не было дома... Видимо, этот человек очень проголодался и через погреб проник в кухню... *(Пытаясь улыбнуться.)* Конечно, это неразумный поступок, но он был голоден... *(Смешалась.)* Ну, вот и все...

Гисслинг. Вы тоже врач?

Глебова. По детским болезням.

Гисслинг *(задержал на ней взгляд)*. Я понимаю. *(Коверге.)* Ваше имя?

Коверга. Андрей Коверга.

Гисслинг. Вы снимаете комнату у этих людей?

Коверга. Я живу у них, это мои друзья.

Гисслинг. И что же вам известно по этому делу?

Коверга. Насколько я понимаю, меня арестовали и привели сюда. Остальное мне неизвестно.

Гисслинг. Здесь вряд ли стоит шутить, господин Коверга. Здесь немецкая комендатура.

Коверга. Я буду удерживаться, господин комендант.

Гисслинг. Вы веселый человек, господин Коверга.

Коверга. В какой-то мере. Мы честно работали в полном контакте с оккупационными властями и вправе рассчитывать на немецкую справедливость.

Гисслинг. Люди, в доме которых укрываются дезертиры, расстреливаются немедленно. А я с вами все еще разговариваю.

Коверга. Это вселяет в наши сердца некоторую надежду.

Эдик (тихо). Холуй...

Гисслинг. Что сказал этот юноша?

Коверга. Он присоединяется к моим словам, господин комендант.

Гисслинг. Эта девушка ваша дочь, госпожа Глебова?

Глебова. Нет... Это наша соседка... Она живет рядом в доме... Леля Светова...

Гисслинг. А своих детей у вас нет?

Глебова (не сразу). У нас десятилетний сын...

Гисслинг. Где он сейчас?

Глебова. Мы с мужем очень заняты... в больнице так много дела. Сын временно живет у бабушки... Нет-нет, его не было у нас в доме уже несколько дней.

Гисслинг. Вам не надо за него бояться. (Эдику.) Ваше имя, молодой человек?

Эдик. Эдуард Коверга.

Гисслинг. Коверга? Вы родственники?

Миронец. Сын он его...

Эдик. Он мне не отец.

Гисслинг. Ого! (Оглядел всех.) Что скажете, Миронец?

Миронец. Брешет парень. Сын он его. Только живут порознь.

Коверга. Мы разошлись с его матерью. Вот уже три года. А сегодня... он пришел навестить меня.

Эдик. Неправда!.. Никогда.

Гисслинг. Но если вы пришли не к отцу, то зачем вы попали в сад этого дома?

Эдик молчит.

Фон Галем (улыбнулся Гисслингу). Достоевский...

Гисслинг. Вы не хотите отвечать?

Эдик молчит.

Леля. Он пришел ко мне.

Миронец. Обнимались они. Хотя, возможно, и маскировка.

Гисслинг. Итак, молодой человек, вы оказались не у себя дома в комендантский час. Известно, что вам за это грозит?

Эдик. Да.

Гисслинг. Смерть.

Эдик. Известно.

Гисслинг. И вы решились на это ради любви?

Эдик молчит.

(Леле.) Вы должны ценить это, фрейлейн.

Леля (тихо). Не убивайте его.

Гисслинг. Я постараюсь. (Эдику.) Сколько вам лет?

Эдик. Девятнадцать.

Гисслинг. Почему же вы не работаете в Германии? Почти все ваши сверстники там?

Эдик. Я никогда не получал повесток.

Гисслинг. Весьма странно.

Коверга. Видите ли... Я лично просил об этом бургомистра господина Акимцева. У меня заслуги перед городом и в какой-то мере перед немецкими властями.

Эдик (сдерживая ярость). Так вот, значит, почему...

Глебов (вспылил). Замолчишь ты или нет...

Фон Галем. Оказывается, вы раздражительный человек, господин Глебов.

Самарин (входит). Задержанный Шольц просит выдать ему два листа бумаги. Он хочет написать последние письма.

Гисслинг. Выдайте.

Самарин. Слушаюсь, господин комендант. (Уходит.)

Гисслинг. А теперь все же объясните, господа, зачем вы, зная, чем это грозит, спрятали в своем доме дезертира?

Все молчат.

Если бы это был русский, я понял бы вас, но немец... Может быть, он был не один?.. (Миронцу.) У дома Глебовых ведется наблюдение?

Миронец. Ясно, господин комендант.

Гисслинг. Вы местный житель и как будто всех знаете в городе... Известны вам эти люди?

Миронец. Точно так, господин комендант.

Гисслинг. Они были коммунисты?

Миронец. Все трое беспартийные.

Гисслинг. Сочувствовали советским властям?

Миронец. Ясно. Разве иначе были б начальством. А Глебов— тот особо притеснял простой народ.

Гисслинг. Откуда это вам известно?

Миронец. Пять лет назад я работал в ихней больнице. Санитаром.

Гисслинг (Глебову). Это так?

Глебов. Было. Но я выгнал его с работы.

Гисслинг. За что?

Глебов. Он был никудышный работник.

Миронец. Врете. Профсоюз меня потом восстановил.

Глебов. Правильно. Но я профсоюзу не внял и выгнал его вторично.

Миронец (Гисслингу). Видите какой это человек? Ему профсоюз одно говорит, а он по-своему.

Коверга. Апеллируете к советским профсоюзам, господин полицейский?

Миронец (озлился). А вам шутить недолго осталось...

Фон Галем. Спокойнее, Миронец.

Самарин (входя). Задержанный Шольц написал последние письма. (Передает конверты Гисслингу.)

Гисслинг. Какой торопливый оказался.

Самарин. Прикажете вызвать пастора?

Близко бьет артиллерия.

Гисслинг. Не такой момент, господин Самарин. (Задержанным.) Никаких новых заявлений не последует, господа?

Коверга. Еще раз напоминаю о нашей безупречной работе в течение всего оккупационного режима.

Гисслинг. Как я уже указал, по немецким военным законам за укрывание дезертира вы подлежите смерти. Я не офицер гестапо, но я немец, и этого достаточно, чтобы я не был с вами легковерен и мягкосердечен. До утра я буду ждать ваших признаний. В противном случае вы должны готовиться к худшему. К самому худшему.

Снова бьет артиллерия.

Гисслинг (улыбнулся). Если русская артиллерия не окажется торопливее нас.

Коверга. Мы просили бы поставить в известность о всем случившемся бургомистра города.

Гисслинг. У меня имеются сведения, что господин Акимцев уже покинул этот город. (Миронцу.) Уведите.

Миронец (задержанным). Пошли, что ли?..

Задержанные в сопровождении Миронца, Самарина и вахтманов выходят из комнаты.

Гисслинг. Ну-с, что скажете, Генрих?

Фон Галем. Они, безусловно, прятали этого негодяя.

Гисслинг. Не убежден. (Весело.) Ну что ж, займемся допросами.

Фон Галем. Я вижу, что судьба подбрасывает вам великолепный шанс скоротать эту ночь не слишком скучно.

Гисслинг. Кабинет следователя — это лучший театр, который мы можем себе позволить в данных условиях, Генрих. Поведение человека, которому угрожает смерть, — самое захватывающее зрелище на земле.

Фон Галем. Снова пустите в ход ваши психологические опыты и шуточки, господин инквизитор?

Гисслинг (улыбаясь). Дорогой Генрих, вы — прусский аристократ и потомственный генерал, ваши предки были, вероятно, военачальниками у самого Фридриха Барбароссы. А я жалкий берлинский плебей и не слишком удачливый актер в молодости. Даже на сцене мне не удавалось хорошо сыграть роль генерала. Позвольте же мне хотя бы здесь взять маленький реванш, очаровательный обер-лейтенант фон Галем.

Входит Самарин.

Как ведет себя наш дезертир?

Самарин. Удивительно спокоен, господин комендант.

Фон Галем. Это радует.

Самарин. Что именно?

Фон Галем. Когда немец не трус. Я допрошу его.

Гисслинг. И да благословит вас бог. Штатские остаются на мою долю. Развлечемся как можем.

Фон Галем. Желаю успеха. (Уходит.)

Гисслинг. Этот ваш Миронец удивительно предприимчивый мужчина.

Самарин. Инициативный полицейский.

Гисслинг. Вы не любите его, господин Самарин?

Самарин. Советская молодежь со всеми ее пороками. Но надо быть терпимым.

Гисслинг. Поблагодарим его все же за то, что эта ночь не будет скучной.

Самарин. Я заметил, что допросы доставляют вам удовольствие, господин комендант.

Гисслинг. Меня увлекает чисто литературная сторона дела — я люблю допрашивать, а не принимать решения. У человека за душой всегда припрятано что-нибудь интересненькое. Жизнь бесконечно любопытна, а многие так и не успевают заметить это. Надо торопиться замечать. Надо спешить устраивать себе маленькие удовольствия. Знаете, что самое увлекательное в жизни? Притворяться. Выдавать себя не за того, кто ты есть.

Самарин. Увы, это не всегда бывает легко, господин комендант.

Гисслинг (*наливает коньяк — себе и Самарину*). Я хочу стать писателем. Выпьем за это, господин Самарин.

Самарин (*поклонившись*). Большое спасибо.

Гисслинг. Никто так не притворяется, как писатель. (*Читает чуть нараспев.*)

Мы затеряны в этом страшном мире.

А вокруг рушатся фронты и отступают армии.

А мы, маленькая песчинка, нечто бесконечно мизерное. Забыты богом войны и живем призрачной жизнью. Вне указаний и приказов...

Да... Все это несомненно отличный материал для будущего. Знаете, как будет называться моя первая книга?.. «Человек перед смертью». (*Снова наливает коньяк — себе и Самарину.*) Эти люди были действительно лояльны и приносили нам пользу?

Самарин. Трудно ответить точно. Возможно, что и так.

За окном шум проходящих машин.

Гисслинг. Что там?

Самарин (*смотрит в окно*). Все то же. Тылы двигаются на Запад.

Гисслинг. Может быть, и мы с вами последуем вскоре их примеру. И вряд ли нам будет полезно обременять себя в дороге арестованными. Мне очень понравились молодые люди. Особенно юноша. Славянский нибелунг... И эта

женщина... Ее усталые глаза... Богиня домашнего очага.
(Помолчав.) Не будем больше пить?
С а м а р и н. Хватит, господин комендант.

Картина вторая

Наскоро оборудованная камера в одном из притворов собора. На окнах решетки. Нары. Стол, на нем тусклая коптилка. Изредка доносится артиллерийская стрельба. В камере двое — Мартинелли и Зайцев. Отворяется дверь. Миронец и вахтман вводят задержанных.

Миронец. Располагайтесь. Помещение не ахти, но до утра выдержать можно. Конечно, непорядок — мужчины и женщины вместе, но нынче, как известно, наши тюрьму разбомбили, так что не взъщтите.

Коверга. Наши?

Миронец. Ну, русские... (Уходит вместе с вахтманами.)

Мартинелли (повышенным тоном). Здравствуйте, товарищи!

Глебов (оглядел его). Это слово пока неподходящее — «товарищи».

Эдик (Леле). Садись вот сюда, я тебе куртку подстелю.

Леля. А где немец-то?

Эдик. Ему с нами не положено. Ариец.

Леля. Его убьют?

Эдик. Конечно.

Молчание.

Глебова. Господи, какое счастье...

Глебов. О чем ты?

Глебова. О Левке.

Глебов. Ты молодец. Увела к бабушке... Они бы и его взяли.

Глебова. Точно предчувствовала.

Коверга. Тюрьма какая-то... дурацкая.

Глебов. Не слишком ли ты перед немцем лебезил...

Коверга (*усмехнулся*). Надо.

Глебов. Одно худо — все благодетели, кто нас по работе знал, на Запад сбежали.

Коверга. Забавно, что об этом приходится жалеть.

Леля. Как подумаю, что мама сейчас переживает...

Эдик. Моя тоже, верно, не спит.

Леля. Они уж знают все... да?

Эдик (*с тоской*). Наверно.

Коверга (*подошел к Зайцеву*). Тебе тоже смерть обещали?

Зайцев (*зло*). Мне то обещали, что тебе и не снилось.

Мартинелли (*Глебову*). Вот вы со мной разговаривать не стали... Я что же, вам своим видом не импонирую?

Глебов. Вид как вид.

Мартинелли. Полагаете, я провокатор и немцы меня нарочно к вам подсадили? Напрасно полагаете. Мы для них не вопрос. У них свои заботы. Возле города концлагерь был — так разбежался после бомбежки... Даже тюрьмы не осталось... А немецкие тылы через город идут и идут. С Востока. Повторяю — мы для них не вопрос.

Коверга (*усмехнулся*). Считаете, выпустят нас?

Мартинелли. Скорее, расстреляют. Но так — машинально.

Зайцев. Дерьмо ты говоришь — вот что.

Глебова (*мужу*). Тебе страшно?

Глебов. Наверно.

Глебова. А я даже не знаю... Но кричать, ломать руки уже нет сил — так мы всего навидались. Самое страшное стало самым простым.

Коверга. Самое страшное сейчас — вот эти артиллерийские залпы. Вдалеке.

Глебов. Да, три года ждать... и в последний день.

Эдик (*Леле*). А ты возьми и поспи. Проснешься, а нас как раз выпустить решат.

Леля. А ты почему думаешь — нас выпустят?

Эдик (*улыбнулся*). А нам долго с тобой жить надо. Дольше всех.

Л е л я (погладила его ухо). Мало ли что надо. Это не считается.

Э д и к. А вот увидишь.

М а р т и н е л л и (Глебову). Все же давайте познакомимся: моя фамилия Мартинелли-Брянский, Анатолий Данилович... Артист комедии. Себя можете не называть, если охоты нет... Я вот сижу здесь и никак себя не пойму — что я и зачем.

Г л е б о в. Это обычно трудно бывает понять.

М а р т и н е л л и. Собственно, я это не я, а моя тень. Да-да, за неделю пребывания в неволе похудел невообразимо. На двадцать кило, вероятно... И фрак висит как-то невесело. Самым грустным образом висит.

Г л е б о в. Вы что же, у немцев в театре играли?

М а р т и н е л л и. Решился. Первый сезон — ни-ни. А потом за-тосковал. Аплодисменты. Паек. Слаб человек.

Г л е б о в. Это есть. А сюда за что?

М а р т и н е л л и. Текст перепутал. Не ту реплику сказал.

Г л е б о в. Не совсем понимаю.

М а р т и н е л л и. Да, понять трудно. Играл себе рольку, играл, а во втором акте вышел на авансцену и говорю, ласково так, — Гитлер капут... Большой успех имел. Во всех смыслах.

Г л е б о в. Зачем же вы так?

М а р т и н е л л и. Надоело все.

К о в е р г а. А теперь лучше, что ли, стало?

М а р т и н е л л и. Определеннее.

К о в е р г а. Но как же это все-таки вас угораздило?

М а р т и н е л л и. Не знаю... Идет спектакль, и грустно мне до отчаяния... А в антракте знакомый офицер в уборную зашел, шнапсом угостил... И вдруг такая тоска напала — слезы даже на глазах... А тут как раз мой выход. Я и вышел. И сказал — ласково так...

З а й ц е в (резко). Ответа ты забоялся — вот что.

Входит с кувшином и кружкой С а м а р и н, ставит их на стол.

Самарин. Если кто пить захочет.

Зайцев (зло). Агромадное мерси, золотко, землячок миленький.

Самарин (около Глебова). Здравствуйте, Борис Ильич. Не узнали?

Глебов. Узнал.

Самарин. В тридцать шестом году язву желудка ликвидировали.

Глебов. Не мучает?

Самарин. Нет.

Глебов. А как в полиции — уютно?

Самарин. Каждый живет, как может.

Глебов. Как хочет. Так скажем.

Самарин. Разница невелика.

Глебов. Великая разница.

Самарин (помолчав). Может, что нужно?

Глебов. Уходите отсюда.

Самарин молча уходит.

Мартинелли. Если бы уснуть...

Зайцев. Спи. Сказал «Гитлер капут», откупился — и спи. Чего тебе больше остается?

Глебова подошла к Эдику, посмотрела на Лелю.

Глебова. Уснула?

Эдик. Красивая она.

Глебова. А я всегда ею любовалась, когда она мимо окон шла.

Эдик (усмехнулся). Я тоже ею любовался.

Глебова. Ты удачливый.

Эдик. Возможно. (Поглядел на Лелю.) Улыбнулась. Вот ведь... не сознает положения.

Глебова. А ты сознаешь?

Эдик. Естественно. Комендантский час нарушили. Захотят — убьют. Только я не верю.

Глебов (жене, осторожно). Может, и ты отдохнешь?.. Приляг вот сюда... Платок сними.

Глебова. А помнишь, как ты его купил?

Глебов. В сороковом на Восьмое марта. Левке шесть тогда исполнилось.

Глебова. Да, два праздника в один день. Все-таки смешно, что он восьмого марта родился... Сейчас особенно почему-то смешно.

Глебов. Устала ты...

Глебова. Нет, не то слово... Не осталось сил, вот так будет вернее, Боря. До сегодняшнего дня жила на какой-то инерции — надо было, очень надо было, вот и жила. А сейчас как-то все от меня отошло — и люди и жизнь. Вдалеке...

Коверга подошел к спящей Леле.

Эдик. Вы на нее не смотрите.

Коверга. Не время. И не место.

Эдик. А что вам будет? Они вас пощадят — вы ихний холуй. (Яростно.) Освобождение мне от работ выхлопотали? А кто вас просил? Отец называется...

Коверга. В Германию захотел? На немцев поработать?

Эдик. Я бы знал, что там делать... А холуйских подачек не потерплю.

Коверга. Помолчи. Со смертью рядом стоишь.

Эдик. Вам-то что — помер я или нет? Вам-то что? Вы ж меня бросили...

Коверга. Эдька!..

Эдик. Что? Нелегко вам? А маме, думаете, легко было? Легко, когда мы одни остались?

Коверга (сумрачно). Ей и со мной не легче было. (Резко.) Что знаешь, Эдик?

Эдик. Горе ее — вот что. А вам я чужой. Все.

Глебова вздохнула.

Глебов. Что ты?

Г л е б о в а. Про Левку думаю... Что с ним будет, если...

Г л е б о в (*тихо*). Ты вот это слово сказала — «если». И я должен все сказать тебе и попросить прощения.

Г л е б о в а. За что, Боря?

Г л е б о в. Ты не любишь меня... Это я знаю, и никакой добротой ты меня не обманешь. В любви обмануть нельзя. Правда?

Г л е б о в а. Правда.

Г л е б о в. Наверно, я даже ненавистен тебе бываю.

Г л е б о в а. Что ты, Боря...

Г л е б о в. Ты мне прости, что я горе тебе причинил. Понимаешь, Юленька, я всегда верил, что был прав... (*Резко.*) Я и сейчас в это верю — прав я! (*Тихо.*) И все-таки ты меня прости.

Г л е б о в а. Господи, о чем вспомнил!.. Не надо — все уж прошло давно... (*Тихонечко и как-то невуче.*) Только в памяти еле виднеется — вдалеке.

Г л е б о в. Нет, ты его не забыла... Три года прошло, три года войны, мы с немцами, и каждый день страшнее другого, а ты все думаешь — где он, жив ли?.. Даже наша невыносимая, страшная жизнь не выжгла его из твоей памяти... Но за что же?! Жалкий, легковверный, слабый, переменчивый, никого не любил, только обманывал и смеялся... Разве я мог отдать ему тебя? Разве мог поверить в твое счастье... с ним? Ничтожный мальчишка...

Г л е б о в а. Не надо... Не надо, Боря... (*С тоской.*) А что, если сейчас, вот в эту минуту, он ползет по земле, под пулеметным огнем, и ему некуда укрыться, негде спрятаться — только небо и пули...

Далекая артиллерийская стрельба...

Слышишь? Может быть, это он там!.. Это его убили...

Г л е б о в. Прости... Перед собой я прав, перед тобой виновен — прости меня...

Картина третья

Кабинет Гисслинга. У окна стоит Самарин. В дверях появляется Миронец.

Миронец. Начальство где?

Самарин. На балконе стоит.

Миронец. Мимоходящими частями интересуется?

Самарин. Все люди. Все человеки.

Миронец. Нам с тобой, Николай Николаевич, поболее его беспокоиться надо. Попадем к нашим — смерть.

Самарин. А смерть куда ни взгляни.

Миронец. Я-то еще молодой — помирать не готов. *(Подошел к Самарину.)* Правду сказать — не верю я, что город оставим. Немцы — сила. Равных во всем мире нет. Ну, отступают... Но, может, хитрость это? Может, они то знают, что нам неизвестно? Где-то должно отступление кончиться? Так почему не здесь — не у нашего города? Что молчишь?

Самарин. Тебя слушаю.

Миронец. Но если... ведь всякое бывает — если еще отступят малость... *(Тихо.)* Как думаешь, будут нас эвакуировать?..

Самарин. Обещали.

Миронец. Их обещания нам известны. Мы ведь с Риббентропом тоже пакт подписывали. *(Усмехнулся.)* Радовались тогда.

Самарин. Если не веришь — беги самолично.

Миронец. Самолично — пропадешь. *(Подумав.)* Нет... Нас бросать — расчета нету, мы для них ценный кадр. Других-то еще обучать надо, а мы привыкшие... Верно, дядя Коля?

Самарин. Ты расчетливый. По ночам спишь крепко?

Миронец. Не жалею. Этот мир барахло — кого не убьешь, сделаешь ему одолжение. *(Помолчав.)* Одна беда, комен-

дант у нас ни се ни то — сопля на палочке. И глаза штатские. Труха, а не немец.

В комнату возвращается Гисслинг.

(Осторожно.) Господин комендант, интересуемся мы... Зондеркоманду вчера еще эвакуировали... А как с нами-то, если что?

Гисслинг. Пока нет приказа, волнения излишни, Миронец.

Миронец. Я, конечно, не сомневаюсь — города не сдадим...

Отступление — оно ведь тоже воинская хитрость... Но все же, прошу учесть — у нас с Самариным особое положение: здешние мы.

Гисслинг *(взглянул в окно)*. К дому машина подошла... Узнайте, Миронец.

Миронец. Слушаюсь. *(Выходит.)*

Гисслинг. Вы тоже обеспокоены, господин Самарин?

Самарин. От судьбы не уйдешь.

Гисслинг. Славянская философия. Помогает жить. Но умирать еще больше.

Миронец вводит в комнату Женю Ласточкина.

Миронец. Задержан при попытке войти в дом Глебовых.

Гисслинг. У него кровь на лице...

Миронец. При задержке оказал сопротивление.

Гисслинг *(оглядел пристально Ласточкина)*. Мы побеседуем вдвоем.

Самарин и Миронец выходят.

У вас есть носовой платок?

Ласточкин. Да.

Гисслинг. Вытрите кровь. Вот здесь, возле уха. И причешитесь. Всегда следует быть в порядке. Ну вот, теперь у вас вполне симпатичный вид. *(Указывая ему на стул.)* Побеседуем. *(Садится к столу.)* Ваше имя?

Ласточкин. Ласточкин Евгений Романович.

Гисслинг. Возраст?

Ласточкин. Двадцать шесть лет.

Гисслинг. Зачем вы пришли в дом Глебовых? Ночью!

Ласточкин. Я жил когда-то в этом доме... до войны.

Гисслинг. Допустим. Но зачем, нарушая комендантский час, вы появились ночью в доме Глебовых?

Ласточкин. Я и сам не вполне ясно это понимаю.

Гисслинг. Где вы живете?

Ласточкин *(смущенно улыбнулся)*. Нигде.

Гисслинг. Вам, видимо, смертельно хочется, чтобы я приказал повесить вас?

Ласточкин. Наверно, это тоже было бы решением вопроса. *(Вдруг с отчаянием.)* Мне безразлично все. Решительно все!

Гисслинг *(помолчав)*. Вы курите?

Ласточкин. Нет.

Гисслинг. Пьете?

Ласточкин. А дадите?

Гисслинг. Вы мне симпатичны. Чем-то напоминаете моего младшего брата. *(Наливает ему полный стакан коньяка.)*

Ласточкин. Не много ли?

Гисслинг. Пустяки. *(Чокается.)*

Они пьют.

Ваша профессия?

Ласточкин. Я музыкант... кларнетист... играл в джазе.

Гисслинг. Вот как? У нас в Германии джаз объявлен вне закона.

Ласточкин. Я знаю. Джаз — детище негров и евреев.

Гисслинг. Вот именно. Фюрер любит народную музыку. А с музыкальными кривляниями, слава господу, покончено.

Ласточкин. И вы тоже так думаете?

Гисслинг *(подмигивая, снова наливает ему коньяк — на сей раз полстакана)*. За здоровье Бени Гудмана, который, к счастью, еще не попал в Освенцим.

Ласточкин. Прозит. (Пьет.) Гудман — бог кларнета.

Гисслинг. Я разделяю ваше мнение. Ухо у вас уже не болит?

Ласточкин. Болит. Но общее состояние улучшилось.

Гисслинг. Меня это радует. Но каким же образом вам удастся в данное время нигде не жить?

Ласточкин (задумчиво). Я потерялся.

Гисслинг. Буквально?

Ласточкин. Вы, конечно, бывали в Чернополе и посещали офицерский клуб... Так вот, я играл в тамошнем оркестре. То есть это был не оркестр, конечно... маленький квартет... Но мы давали отличную игру — два румына, итальянец и я... Вальсы, танцы, народные мелодии... Начальник клуба очень гордился нами, и, когда началась эвакуация, он не захотел с нами расставаться, посадил в автобус и повез с собой.

Гисслинг. А долго вы жили в Чернополе?

Ласточкин. Я переехал туда за неделю до войны. До этого я проживал здесь, в доме Глебовых. Веселенький, беззаботненький, молоденький человек. (Он уже пьян.) А потом отправился в Чернополь. Представьте себе молодого счастлильца, полный веры и надежд, едет он в замечательный город Чернополь. Но вот судьба — жизнь дает ему коленкой под зад, и наш счастливенький, молоденький человек оказывается — вот тебе и здравствуйте — один-одинешенек... А тут еще вдруг и почему-то начинается какая-то война... Нелепость.

Гисслинг. Вы служили в армии?

Ласточкин. Имеете в виду армию генерала Власова?

Гисслинг. Предположим.

Ласточкин. Этот генерал мне антипа... типатичен.

Гисслинг. Смелое признание. Я ценю это. А Советская Армия?

Ласточкин (не сразу). Я не служил.

Гисслинг. Отчего?

Ласточкин. Я не успел... Просто не успел...

Гисслинг. Забавно. Вы почему-то испугались. Но я не большевикский прокурор, и, если вы были дезертиром, я не обижусь на вас.

Ласточкин. Я не был дезертиром!

Гисслинг. Охотно верю... Но так громко кричать все же не стоит.

Ласточкин. Я с утра ничего не ел. *(Вскрикнул.)* Вы хотите убить меня?

Гисслинг. Может быть. Если мне это понадобится. Но пока я не вижу причин. *(Пододвигает ему тарелку — на ней два бутерброда.)* Закусывайте.

Ласточкин. Ты кто?.. Тебя кто сюда звал?.. *(Нелепо.)* Ничего теперь не боюсь!

Гисслинг *(весело)*. Вы находитесь в плену ложных представлений. Ну... съешьте эти бутерброды.

Ласточкин *(молча жует, улыбается)*. Очень вкусно. *(Неожиданно.)* Вот что... *(доверительным шепотом)* вам надо спастись бегством.

Гисслинг. Увы, я не получил приказа.

Ласточкин *(с хитринкой)*. Вот вас поймают и повесят.

Гисслинг. Смерть для военного — это кульминация его карьеры. *(Помолчав, вынимает записную книжечку, записывает.)* Удачная мысль, не правда ли?

Ласточкин *(пытаясь оценить происходящее)*. Вы кто-то... не такой.

Гисслинг *(ласково)*. Но я прервал ваш рассказ... Итак, вас посадили в автобус и повезли. Что же случилось далее, мой дорогой?

Ласточкин *(напрягая память — он сильно пьян)*. Наш автобус остановился здесь, в городе... Что-то испортилось в моторе, и все мы вышли подышать свежим воздухом... И что же? Это была улица, где я жил когда-то, вы понимаете? И я, видимо, отошел слишком далеко... Вернулся, а их уже не было, и я остался один...

Гисслинг. Хм... Не слишком ли фантастично?

Ласточкин *(кивает головой)*. В этом роде.

- Гисслинг. Вам следовало найти комендатуру, а вы пошли к Глебовым. Почему?
- Ласточкин. Не знаю... Я должен был туда пойти!
- Гисслинг. Для чего, мой друг?
- Ласточкин *(недоуменно)*. Три года я не был здесь, и я не знал, живы ли они... Я ничего не знал о них. Я стоял на лестнице, и мне хотелось услышать их дыхание во сне... *(С тоской.)* Но нас разделяли стены, это было невозможно, и все-таки я хотел услышать их дыхание.
- Гисслинг. У вас есть родители?
- Ласточкин. Я сирота. *(Вдруг засмеялся.)*
- Гисслинг. Что вас рассмешило?
- Ласточкин. Мне показалось, что я хочу разжалобить вас...
Сме-хо-та...
- Гисслинг. А Глебовы — они ваши родственники?
- Ласточкин. Нет.
- Гисслинг. Друзья?
- Ласточкин. Соседи.
- Гисслинг. В России это противоречит одно другому?
- Ласточкин *(заикаясь)*. Просто... они мои... знакомые.
- Гисслинг. Почему же вас так отчаянно, неудержимо тянуло к их дому?
- Ласточкин *(слабо)*. Я не знаю.
- Гисслинг. Что вас связывает с ними?
- Ласточкин *(словно отрезвев)*. Не скажу. Я больше ничего не скажу вам.
- Гисслинг *(встает)*. Зачем вы пришли к Глебовым? Почему оказали сопротивление?
- Ласточкин. Безразлично.
- Гисслинг *(бьет его по лицу)*. Отвечай! Отвечай! Отвечай!
- Ласточкин. Не надо... *(Как-то по-детски.)* Я не думал, что вы станете меня бить. *(Посмотрел на недоеденные бутерброды.)*
- Гисслинг *(он недоволен собой)*. Я сам этого не думал.
- Ласточкин *(тихо)*. Я ненавижу их... Глебовых. *(Помолчав.)*
Все. И больше я не скажу вам ни слова.

Картина четвертая

Камера. Коверга подходит к Глебову. Остальные либо дремлют, либо молчат, погруженные в свои думы.

Коверга (посмотрел на Юлю). Уснула?

Глебов. Да... Замучилась.

Коверга (не сразу). О чем молчишь?

Глебов. Хочу понять — ведь если эта ночь последняя, — в чем виновен. Перед собой, перед людьми, перед Юлькой... В чем виновен?.. Вот мы — все ли с тобой сделали, что должны были сделать... Что обязаны были?

Коверга (твердо). Что могли — сделали, милый.

Глебов. У немцев остались...

Коверга. Они подошли стремительно, а больных эвакуировать мы не успели, их больше полусотни осталось — и транспорта никакого. Могли мы их бросить? Могли сесть в наш газик и помахать им ручкой? Не могли, Боря.

Глебов (помолчав). Положим, так.

Коверга (оглянувшись, понизил голос). Вспомни, сколько за эти три года было нами людей укрыто... Рацию в подвале помнишь? Душечкина? Двух летчиков в сорок третьем! А то, что мы из Левковича и Каргина людей сделали? И, наконец, эти семеро, что три дня назад из лагеря убежали... Даже если мы погибнем, Левкович и Каргин не дадут их в обиду, не уступят немцам.

Глебов. Хорошо, если так.

Коверга. Не выдадут! Но и мы ни слова. Как бы нас ни допрашивали здесь.

Глебов. Что говоришь!.. Замолчи.

Коверга. Нет, перед людьми ты невиновен... А перед собой... Не судья я тебе.

Глебов. Андрей, ты мою жизнь знаешь... И все, что у нас с Юлей случилось три года назад... Прав я тогда был перед нею? Прав или нет?

Коверга. Виновен.

Глебов (*внимательно посмотрев на него*). Считаешь?

Коверга. Ты тогда на неправду в любви согласился. Знал, что не любит она тебя больше, и все-таки верил: стерпится слюбится... Вот и досталась тебе видимость счастья... Видимость, Боря.

Глебов (*вспыхнул*). Неправда! Ты потому так говоришь, что сам виновен — сына оставил... жену.

Коверга. Нет, не в том моя вина, что я ее оставил, в том, что много лет был двойк по отношению к ней. Ведь она верила, ждала, мучилась, а я ей — полуправду, полупомощь, полужалость... Вот когда я был виновен!

Глебов. Это жестоко!..

Коверга. Ложь во имя добра превращает это добро в величайшее зло, милый...

Глебов. Нет-нет... Людей жалеть надо.

Коверга. Что же ты в своем ремесле жалости не слушаешь, хирург? Здесь-то ты знаешь, как страшен компромисс, полумера... (*Показывает на сына*.) Я люблю его... Отчаянно. Три года он мне ночами снится. Но пусть не увидит он моей лжи... Пусть никогда не увидит.

Глебов. А что же долг? Долг? Нет его, по-твоему?

Коверга (*устало*). Эх, Боря, Боря. Ничто не принесло людям столько зла, как слепое выполнение долга... без всякой оглядки на правду.

Близкий разрыв фугаски. Сотрясаются стены.

Глебова. Господи... Что это?

Зайцев. Во черт!.. Это не нас ли убило?

Глебов (*обнял жену*). Не бойся, все обошлось...

Мартинелли (*вытирает пот со лба*). И ведь что удивительно — не знаешь, то ли радоваться, то ли в отчаяние приходиться...

Эдик (*Глебовой*). Вы поглядите... (*Показывает на Лелю*.) Спит и не проснулась. Вот личность.

Миронец (*входит*). Живы? Не погибли со страху, когда наша

доблестная авиация сработала? Магази́нчик тут рядышком был — в два этажа. Сейчас нету.

Зайцев. Что улыбаешься-то? За тобой ведь пришли.

Миронец. Надеешься, город сдадут? На вот — выкуси. Плохо ты нашего немца знаешь! Отступление — возомнил? А тут перегруппировка сил. Хитрят они. Не для того полсвета обошли, чтобы от тебя тикать, рвань.

Зайцев. А я говорю — бежать тебе от мести народа надо.

Миронец. Бежать? Это пешком, что ли? Дурачков нет. Фронт выравнивать будут — машины подадут.

Зайцев. Ты куплетист.

Миронец. Помолчал бы. А то выведу во двор...

Зайцев. Без приказа не выведешь. Холуй ты.

Миронец. Раскаешься.

Зайцев (лег на нары). Пустой ты номер.

Миронец. Думаешь, я тебе пустячок? Врешь, у меня своя линия. Я теперь точно осознал: нельзя по свету без идеи...

Глебов. Это даже любопытно, Миронец, какая же у вас, простите, идея?

Миронец. Моя идея простого проще. Что мы вокруг видим? Кровь, смерть, разрушение... И если люди допустили такую пакость, такую мясорубку и поголовное зверство, то я им не друг и не брат... Волк я им, и за них помирать не дурак. Вот так, Борис Ильич, волк. И что лежит — бери. Все твое. (Показывая на Лелю.) Девчонка вон лежит — и ее бери...

Эдик молча с кулаками бросается на Миронца.

(Отбивается.) Ты что, очумел?

Леля (проснулась и пронзительно вскрикивает). Эдька!..

Миронец (вынимает пистолет). Умрешь, мразь!

Коверга (хватает его руку). Полегче.

Миронец (выпускает Эдика, и тот валится на пол). Из уважения к вам не стреляю, Андрей Богданович. (Уходит.)

Леля. Сумасшедший ты, сумасшедший... (Вытирает платком кровь с его лица.)

- Коверга (в ярости). Тебя еще не так надо было... щеной.
(Леле.) Платок водой обмочи... А ну, дай его сюда.
- Эдик. Не трогай меня!
- Коверга. Как же! Буду я тебя спрашивать. (Обтирает мокрым платком его лицо.) Геройствовать — уметь надо... болван.
- Эдик (приподнялся). Что он говорил здесь, этот Миронец?..
Как вы могли слушать его... молча?
- Глебов. Нагляделся на фашизм — вот и заговорил.
- Мартинелли. Фашизм... Разве мы знали, что он такое? На детском уровне нам разъясняли — Гитлер бяка и Геринг плохой.
- Глебов. Нет, мера ответа на каждом из нас... Но с чего она начинается, наша вина?
- Коверга. С чего? (Яростно.) Вот зло вышло на улицу, а человек думает — нет, погоди, нынче я еще погуляю, у меня еще есть время... И он идет в парк, катается на лодке, целуется с женщинами, он не свершил ничего сверх этого... Но наутро он просыпается, а у него уже руки в крови.
- Мартинелли. А я вам скажу вот что — мир погубили дипломаты. Пытались предотвратить войну и именно этим ее вызвали.
- Зайцев. Загибаешь, артист! Стрелять — солдата дело. А дипломат пусть хитрит, ему за это деньги плачены.
- Коверга. Может, ты и прав, но нынче в это верить нет охоты. Только цельность благо. И никаких компромиссов — ни с жизнью, ни с самим собой.
- Мартинелли. Ну, это вы уж чересчур, перебор просто! У жизни много граней, а рассуждать — «третьего не дано», «или — или» — значит, оскопить жизнь, ибо жизнь это оттенки.
- Зайцев. Что словами-то играете... интеллигенция!

Отворяется дверь, Миронец вталкивает в камеру Женю Ласточкина.

Миронец. Вот вам еще чудак — чтоб веселей стало. (Уходит.)

Ласточкин (он увидел Мартинелли раньше чем остальных). Кого я вижу, Брянский-Мартинелли. Незабываемая встреча!

Мартинелли. Женечка, да вы пьяны совершенно... За что же они вас-то сюда?

Ласточкин (выпрямляется). Что? Не гожусь? А я, может, в самого главного из них стрелял... В самого Коха!

Глебова (отчаянно). Женя!..

Глебов (хватает ее за руку). Замолчи...

Ласточкин (всматриваясь, приближается к ней). Юлия Петровна Глебова... Простите. (Шарахается к двери, бьет в нее кулаками.) Зачем ты меня напоил... Зачем ты напоил меня, скотина!.. (Падает на пол.)

Глебов (жене). Любуйся.

Картина пятая

Кабинет Гисслинга. У стола — Гисслинг и фон Галем.

Гисслинг. Очень любопытный оказался молодой человек. Безответная любовь или нечто в этом роде. И все это несомненно связано с домом Глебовых.

Фон Галем. К сожалению, мой подопечный абсолютно ординарен: идейный дезертир, не верит в победу — словом, тип ныне распространенный.

Гисслинг. Не верит в победу? Поистине чудак. (Помолчав.) Вчера вы прибыли из Кенигсберга. Вероятно, там не следуют примеру этого чудака и все еще верят в победу?

Фон Галем. То, что позволительно штатскому, — солдату стоит головы.

Гисслинг. Но в вашем родовом поместье, где полным-полно отставных генералов, надеюсь, еще рассуждают?

- Фон Галем. Задавать такие вопросы не по-дружески, Эвальд. Гисслинг (чуть сердито). Мое дорогое дитя, после всего, что мы пережили вместе, не доверять мне — вам — глупо.
- Фон Галем (устало). Уже давно никто не верит друг другу. Мы живем в стране личной диктатуры, и все так привыкли ко лжи, что правда кажется неправдоподобной.
- Гисслинг. Чертовски смелая мысль. Но о чем все-таки толкуют ваши родовитые отставники?
- Фон Галем. Вермахт связал себя с национал-социализмом, поверив в его силу... Но когда партия не оплачивает векселя — ее меняют.
- Гисслинг. Bravo, что за милые старички! Не расстрелять ли их вместе с нашим беднягой?
- Фон Галем. Кто бы ни стоял у власти, мы — немецкая армия, и сдаться врагу — подлость.
- Гисслинг. Вы совершенно правы. (Шутовски.) Хайль Гитлер!
- Фон Галем. Не стройте из меня идиота... Я отлично понимаю, что после глупостей, которые мы натворили в оккупированных странах, они для нас потеряны. Расстреливать и вешать гражданских лиц надо после победы. И всегда чуточку демократии. На фоне расстрелов демократия особенно впечатляет. Гитлер был не так уж плох, но ему не хватало одного — некоторой заурядности. Военный политик не должен сверкать, иначе дело кончается островом Святой Елены. И все же — унывать не стоит. Лет через двадцать пять, когда нам придется возвращать потерянное, немцы не окажутся в одиночестве.
- Гисслинг. Будем надеяться, что к этому времени я превращусь в прах без вашего милого участия.
- Фон Галем. Даже если вы останетесь в живых, вы уже ни на что не окажетесь пригодны. Советы шестидесятилетних годятся только на то, чтобы с величайшей осторожностью отбрасывать их в сторону.
- Гисслинг. Сейчас, когда мне сорок, я с вами совершенно согласен, Генрих.

Фон Галем. Ну-с, а когда мы расстреляем нашего беглеца?
Гисслинг (не сразу). Это кажется вам совершенно необходимым?

Фон Галем (сухо). Военная ситуация и наше положение дают возможность расстрелять его немедленно и без суда.

Гисслинг. Ну что ж, воспользуемся этим, господин отчетливый германец. Однако перед данной процедурой и мне было бы любопытно побеседовать с ним.

Фон Галем (непроницаемо). Я приведу его, господин майор. (Поворачивается, чуть подчеркнуто пристукивает каблукami и выходит из комнаты.)

Гисслинг (один). Ну-с, какую роль сыграем мы на этот раз? Злодея? Исполнительного педанта? Или жертву обстоятельств?..

Фон Галем вводит **Шольца**.

Фон Галем (четко). Я могу идти, господин майор?

Гисслинг. Ступайте.

Фон Галем уходит.

Садитесь, Шольц... Какова, кстати, ваша профессия?

Шольц. Я был учителем.

Гисслинг. Ну что ж, господин учитель, наш грешный мир вы покинете еще до рассвета, и это печальное обстоятельство дает нам возможность побеседовать дружески и откровенно. Не могу ли я что-нибудь лично сделать для вас? Вы живете в Берлине?

Шольц. Да... жил.

Гисслинг. Если бы мне удалось не в пример вам выбраться отсюда целым, я мог бы навестить вашу семью.

Шольц. У меня ее нет.

Гисслинг. Тем лучше. На какой улице вы живете?

Шольц. Я жил на Мوند-штрассе.

Гисслинг. Невероятно!.. Я квартирую там же.

Шольц. Это действительно забавно.

Гисслинг. Номер вашего дома?

Шольц. Восемь. Угловой дом с маленьким садиком.

Гисслинг. Отлично его помню!.. Там была прелестная кондитерская, столики стояли прямо в саду...

Шольц. Кондитерская Зиберта; он мой большой приятель.

Гисслинг. Вот как? Весьма объемистое и добродушное существо. В молодости он открывал мне маленький кредит...
Надо признаться, я был тогда большой сластена.

Шольц (не сразу). А вы помните его дочку? Фрейлейн Анна...

Гисслинг. Она вам нравилась?.. О, она нравилась всем... безошибочно! А вышла замуж за рыжего часовщика, его звали...

Шольц. Ганс Меснер...

Гисслинг. Что она в нем нашла, дурочка...

Шольц. Этого не понимали многие.

Гисслинг. Но такова жизнь, Шольц. (Засмеялся). А ведь мы с вами наверняка встречались у толстяка Зиберта, может быть, даже сидели за одним столиком и попивали его кофе. Да... Счастливая пора. Вы жалеете о прошлом?

Шольц (помолчав). Я жалею, что оно привело нас к настоящему.

Гисслинг. Кстати, я должен вас немножко огорчить — ваш расстрел не будет выглядеть достаточно помпезно. Так как на эту процедуру я смог выделить всего лишь пятерых солдат.

Шольц. Я как-нибудь переживу это, господин комендант.

Гисслинг. Увы, дорогой Шольц, но именно этого вы и не переживете.

Шольц. Благодарю. Порция немецкого юмора приятна и перед смертью.

Гисслинг. Браво, меня изумляет ваше спокойствие. Чему его приписать?

Шольц (подумав). Я не в обиде на случившееся.

Гисслинг. То есть?

Шольц. Всю жизнь я шел на компромиссы, совершал полупоступки... Моя смерть, таким образом, это мой первый

поступок. Поступок, лишенный всякого компромисса. В нем не будет даже оттенков. Смерть, и только.

Гисслинг. Итак, цельность? Но людям она противоположна — именно это отличает их от животных. Человек обязан быть настолько многоликим, что даже сам не должен понимать, каков он на самом деле — злодей или добряк, подлец или честный малый.

Шольц. Я пришел к противоположному выводу. Ничем нельзя быть наполовину. Или — или. Будь все люди таковы, они были бы счастливы.

Гисслинг. Тот, кто хочет счастья всем, не хочет его никому. Счастье человека основано на том, что несчастлив кто-то другой. Мне жаль, Шольц, что вы покидаете этот мир, так и не поняв его сути. (Помолчав.) Вы марксист?

Шольц. Я был функционером социал-демократической партии... Перед приходом Гитлера к власти я яростно выступал против блока с Тельманом, полагая, что это запятнает чистоту наших идей... И вот, когда Гитлер выступил против коммунистов, мы полувозмутились, и это наше полусопротивление привело к тому, что он уничтожил и нашу партию. Но затем Гитлер ликвидировал безработицу, кое в чем положение рабочих улучшилось, и мне, как и многим тогда, показалось, что настало время компромисса. Я полупризнал Гитлера, оставив за собой право полупризнать его. Когда началась война, я был также половинчат и двояк — рассказы о концлагерях перемешивались с победными реляциями с фронта, и я полусодрогался и полупотрапезничал... Этой многоликой жизнью я и жил до вчерашнего дня, но ее страшный опыт все-таки заставил меня прийти к выбору. Слишком поздно, правда. Моя смерть многого не изменит — просто у Гитлера станет одним солдатом меньше, и, может быть, война кончится раньше на одну маленькую секунду.

Гисслинг. А вам не кажется, Шольц, что ваша история подтверждает мою правоту? Вы умираете оттого, что на зем-

ле нет места для цельности. Вспомните — в бытность многоликим вы преспокойненько населяли собой землю.

Шольц. Свою жизнь я не хотел бы прожить вторично. Разве вчерашний и сегодняшний день. Действовать!..— вот счастье. (Улыбнулся.) Правда, иногда это значит и умереть.

Гисслинг. И вы убеждены, Шольц, что война проиграна нами окончательно?

Шольц. Но и вы не сомневаетесь в этом.

Гисслинг. Один шанс может и найтись. Секретное оружие. Нечто вроде бомбы или снаряда, начиненного каким-то особым веществом. Представьте себе: эта крохотуля падает с небес — и Лондона нет как нет.

Шольц. Я слышал об этой легенде... Но сможет ли ваша бомба принести победу? Ведь только черствый, равнодушный народ сможет жить спокойно после того, как первым применит ее.

Гисслинг. Bravo! Если бы после войны вы произнесли эту фразу в каком-нибудь мюзик-холле, она вызвала бы дружный хохот.

Шольц. И вы не верите, что после войны немцы поймут...

Гисслинг (медленно и раздельно). Никто, никогда, ничего не поймет, Шольц.

В дверях фон Галем и вахтманы.

Фон Галем. Господин комендант, отделение готово к действиям.

Гисслинг. Желаю вам мужественно умереть, Шольц.

Шольц. Если правы вы — я даже рад смерти. Лучше умереть сейчас, чем стать свидетелем новых военных парадов.

Гисслинг. Тогда поблагодарите меня, что я избавляю вас от этого.

Фон Галем (вахтманам). Увести.

Вахтманы уводят Шольца.

Ну, как он вам показался?

Гисслинг (записывает). ...Уходя, он был совершенно спокоен, но левое веко все-таки дергалось немножко... (Помолчав.) Цельность... (Задумывается.) Какая чепуха!

Картина шестая

Камера. Все смотрят на лежащего возле двери Ласточкина. Коверга подходит к нему, помогает встать.

Ласточкин (вглядываясь в него). Андрей Богданович... и вы?

Коверга. И я.

Ласточкин. Табак наше дело.

Коверга. Поглядим еще... (Ведет его к столу, усаживает.)

Эдик (Глебову). Это Ласточкин, что ли?

Глебов. Он.

Эдик. Пьян как будто.

Леля. А кто он такой — Ласточкин?

Эдик (живнул на Глебовых). В доме у них жил, на кларнете все изоцрялся... Пустяковый был парень. Веселил публику... Девиц особенно... Не помнишь?

Леля. Маленькая я тогда была... Что-то помнится.

Коверга. Воды вам дать?

Ласточкин. Не надо. (Помолчав.) А я думал, на войне вы.

Коверга. Не пришлось.

Ласточкин. Это бывает. По людям из пушек бьют — а у нас своя работка. Это мы можем.

Зайцев. Ну и набрался ты, парень... Глядеть скучно.

Ласточкин (смотрит на Глебова). И этот тоже... вполне сохранился. Как, Борис Ильич, в покое прожили военное времечко? На мой манер? А я думал, геройствуете на полях сражений. Вон как, значит. А сюда за какие провинности? Несвежими яичками господ офицеров угостили?

Мартинелли вот тоже куплеты пел: «Надо же питаться — самокупаться».

Зайцев. Пешка ты... Я тебя сотру — вздохнуть не успеешь.
Ласточкин. Все вы... пособники! И я — не меньше...

Бьет артиллерия.

Вот люди!.. Бьются... В лицо друг другу смотрят. И погибают... Им весело! (Зайцеву.) А ты, шкура, по углам притих?

Зайцев (яростно). Ну, я тебе сделаю сейчас бенц! (Бросается на Ласточкина.)

Глебова (становясь между ними). Не бейте его... Он же пьян!..
Ласточкин. Безразлично.

Зайцев. Дурак он с детства — вот кто. (Отпускает Ласточкина.)

Самарин (входит). Что за беспорядок?.. У коменданта крик слышен.

Зайцев. Все в аккурате, землячок, спи спокойно.

Мартинелли. Вы, Женечка, впечатлительны слишком. Реагируйте хладнокровнее.

Самарин. Борис Ильич... Что делать, надумали? Ночь-то недолгая.

Глебов. Не просто мне говорить с вами.

Самарин. И все же. Вдруг расскажу что-нибудь интересное.

Глебов. Вряд ли сумеете.

Самарин. А если постараюсь?

Глебов (негромко). Слушаю.

Самарин. Уйти бы вам хорошо отсюда.

Глебов (с напряжением). Ну?..

Самарин (обернулся). Вернусь — договоримся. (Уходит.)

Леля (Эдику). Могут и в Германию угнать... возраст-то у меня подходящий.

Эдик. Где бы ни был, пока дышишь — гни свое. Я так разумею.

Глебов. Андрей...

Коверга (взглянул на него). Что с тобой?

Г л е б о в. Самарин помощь обещает... Но как-то призрачно. Не понял я его.

К о в е р г а. Ему доверять только с опаской можно — субъект не ясный. А что обещал?

Г л е б о в. Поговорить...

К о в е р г а. Пока немного.

М а р т и н е л л и. Святая мадонна, кушать как хочется.

Г л е б о в а. Вот... Я совсем забыла — у меня в пальто были бутерброды. Не успела на работе съесть.

М а р т и н е л л и. Но, вероятно, вы голодны сами?

Г л е б о в а. Делитесь — прошу вас... *(Отдает пакетик.)*

М а р т и н е л л и. Когда всем поровну — питание доставляет радость. Даже если его мало. И вообще, жизнь в коллективе не заменишь ничем. *(Ласточкину.)* Женя — вашу порцию.

Л а с т о ч к и н. Анатолий Данилович... Брянский-Мартинелли...
Пошли вы к черту с их бутербродами!

М а р т и н е л л и. Женечка, я устал с вами...

Л е л я. Очень вкусно... А вот до войны мама котлеты делала...
Если ее разрежешь — котлету, из нее сок льется... бульон.

М а р т и н е л л и. Да, много на свете есть загадок. Ведь все было. По утрам, например, утреннюю гимнастику передавали. И все куда-то ушло. А куда? Осталась какая-то мнимая жизнь. Полусон...

Л а с т о ч к и н *(вдруг вскрикнул)*. Мартинелли-Брянский, не надо все время шептать. Хотите, я вас лучше насмешу? Будете смеяться — ужасно. И знаете почему?

М а р т и н е л л и. Нет, я не знаю, почему я буду смеяться.

Л а с т о ч к и н. Я расскажу о своей любви, Брянский,— и вы подохнете от смеха, Мартинелли! Остальные посмеются тоже. Некоторые уже смеялись. Не беда, пусть похохочут еще раз. Безразлично! *(Заговорил торопясь.)* Сорок первый год, войны еще нет, она где-то далеко, а здесь еще мяучат кошки, продают бочковое пиво и по ночам в городском саду парочки заняты своим делом... Все течет, все не изменяется — и я играю на кларнете. Мартинелли-

Брянский, моя игра на кларнете нравилась многим девицам... И не только игра, кое-что другое — тоже. И вдруг я ставлю на все крест и смотрю на себя с предельным отращением. Почему? А потому, Мартинелли-Брянский, что приходит женщина. Женщина!.. Мона Лиза, Рафаэль, богоматерь и еще что-то в этом роде, не помню, все забыл... Что было в моей жизни? Запустение, слякоть, туман, ничтожество — и вдруг легкое движение ее руки, и я понимаю, что люблю первый раз в жизни. Вы еще не смеетесь, Мартинелли? А между тем, Брянский, смеяться самый момент! Я что-то объясняю ей про небесную любовь, и мне начинает казаться, что она моя мать, так она прекрасна... И по ночам я играю на кларнете гораздо лучше, чем играл прежде! Но тут все встает на свои места, и она обманывает меня. Наконец-то! В этом месте моего рассказа надо всем смеяться! Нет, не только Брянский-Мартинелли... Пусть остальные смеются тоже. Ведь смеялась и она тогда, наверно. *(Долго молчит.)* А если я вас не развеселил, то, пардон, примите мои извинения. Впрочем, у вас есть еще один вариант — вы можете смеяться шепотом. Про себя. *(Ложится на скамейку.)* А мне нужно, необходимо сейчас уснуть, а то я совсем, совсем, совсем ничего, ничего не понимаю.

Мартинелли *(помолчав)*. Я прошу вас извинить моего друга. Поверьте, он славный человек, но...

Зайцев. Напоили его — будь здоров. Не жравши, верно, был. **Леля**. Нет, с ним действительно случилась беда... Он так печально говорил... Его обманули, бессердечно обманули!..

Глебов *(тихо)*. Не плачь, Юля... прошу тебя.

Где-то близко автоматная очередь.

Эдик. Что это? *(Бросился к окну.)* Во дворе — автоматы...

Зайцев. Расстреливают.

Коверга. Ну вот, видимо, и началось. *(Дотронулся рукой до сына, тот недвижим, тогда Коверга обнял его.)*

Входит Самарин.

Глебова. Что там?

Самарин. Немца вашего... рассчитали.

Эдик (обернулся к Леле). Ну что ты плачешь? Ведь видели, видели все это. Пострашнее даже.

Леля. Только что сидел рядом... живой.

Мартинелли. А Женя уснул.

Самарин. Борис Ильич...

Глебов. Ну?

Самарин. На два слова.

Зайцев. Небось ни в раю, ни в аду мест больше нет. Все заполнено.

Часть вторая

Картина седьмая

Камера. Ночь. Многих одолевает сон. Не спят Глебов, Коверга.

Глебов (не сразу). Ты считаешь — Самарину можно доверять?

Коверга. Не пойму. Станный он человек. Пошел в полицию. Для чего?

Глебов. Завтра немцы оставят город — это ясно. Верят они в нашу виновность или нет — несущественно. Они рассчитаются с нами. Не потащат же за собой... Уйти отсюда самим нельзя — часовой стоит у окна, и у нас нет оружия. Значит, Самарин — наша единственная надежда. Единственная, Андрей.

Коверга. Пожалуй.

Глебов. Артист, Ласточкин и тот третий мне подозрительны, им ни слова. Но сыну расскажи. Он смелый парень и, когда надо будет действовать, пригодится.

Коверга. Нет... Слишком горяч. Пропадет.

Глебов. Жалеешь его.

Коверга. Единственный.

Глебов. Понял наконец.

Коверга. Всегда это знал. (Смотрит на Эдика.) Трудно мне говорить с ним.

Глебов. Надо.

Мартинелли (во сне). Сейчас мой выход... Не могу, нет... нет...

Коверга подошел к Эдику, молча смотрит на него. Эдик открыл глаза, увидел отца.

Коверга (не сразу). О матери расскажи... Как она?

Эдик. Интерес решили проявить?

Коверга (вдруг резко). Слушай, парень... Смеяться перестань. Поздно смеяться.

Эдик. На немцев не работает. Ей высшее образование не позволяет.

Коверга. Голодаете?

Эдик. Обходимся без ваших подачек. Их вам обратно отсылаем. Немецкого нам не надо.

Коверга. Хватит. (Резко.) А теперь слушай, что я скажу. Нам надо жить, понял? И отсюда нам надо выйти — живыми! Самарин обещает помочь. Может быть, оружие достанет... Подменит конвойных или сам станет, это еще неясно. Но если... если придется драться — будь готов к этому... и будь смел.

Эдик (все еще не веря отцу). А как же ваши связи... немецкие?

Коверга. И еще: если выйдешь на волю, а я останусь... ну, если останусь и не смогу уж — иди тотчас в больницу, найди Левковича... Скажи, что одежду для семерых я в нижней кладовке спрятал... Там и два автомата — на случай. Не будет Левковича, найди Каргина — ему скажи... Понял?

Эдик (смотрит на отца). Вы прятали в больнице людей? (С надеждой.) И ты? (Молча прижался к нему.)

Коверга. Из лагеря. Во время бомбежки бежали. (Поворачивает сына к себе.) Ты все запомнил?

Эдик. Да... да... (Быстро, полушепотом.) Слушай, я ведь тоже... Мы вдвоем с Мишкой Арендом подожгли общежитие зондеркоманды... два месяца назад, помнишь? И еще раньше — под Новый год...

Коверга (оглянулся, ласково закрывает ему рот рукой). Тихо ты... полосатик.

Эдик (улыбнулся). А это я помню... Ты меня так называл, когда я совсем маленький был... А ты почему меня так называл — полосатик?

Коверга. Любил — вот и называл.

Эдик. И еще — Четвертушкин, Картошкин... Я все помню.

Коверга (негромко). Я тоже — все.

Эдик. Зачем же ты тогда... (С отчаянием.) Зачем?

Коверга. Я приходил домой, и мне надо было лгать. Я смотрел на маму, старался быть ласков с нею — но понимал, что лгу. И когда этот обман открылся бы, ты стал бы меня презирать... или сам научился у меня притворству.

Эдик. Ты кого-нибудь полюбил, да?.. Кого?

Коверга (помолчав). Если даже она не знает об этом, не надо знать и тебе.

Леля (открыла глаза, сказала тихо). Он сделает все, что вы сказали, и пойдет к Левковичу... А если не он — тогда я... Ведь он так любит вас. Ему просто было очень горько... А ты, Эдик, прости его... пожалуйста. Ведь ты сам теперь знаешь, как это случается, когда полюбишь, — ведь правда?

Эдик (тихо). Ведь правда.

Леля (Коверге). А вам я рассказать хотела, ведь если что с вами случится — вы должны знать, может, тогда вам легче станет: вот останусь в живых — у нас сыночек родится... в ноябре, если останусь.

Коверга молча гладит ее волосы.

Вам ведь спокойнее теперь, правда?

Самарин (входя). Глебову — на допрос... (Подошел к ним.)

Разбудите, Борис Ильич...

Глебов (осторожно). Проснись, Юля...

Глебова. Что ты?

Глебов. Пришли за тобой... Нет-нет, не бойся, это на разговор только.

Глебова. Да... Иду... (Встает, уходит за Самаринным.)

Коверга (подошел к Глебову). Успокойся, ну... слышишь?

Глебов (тихо). Она все для меня. Вся жизнь. Понимаешь?

Коверга (усмехнулся). Понимаю.

Картина Восьмая

Кабинет Гисслинга. Гисслинг, фон Галем.

Гисслинг. Как вел себя наш Шольц?

Фон Галем. Он был воплощением покоя. Никаких патетических выкриков в последнюю минуту, никакой театральщины.

Гисслинг. Я вижу, это произвело на вас некоторое впечатление.

Фон Галем *(чуть резковато)*. Я молод, господин майор, мне к лицу впечатлительность.

Гисслинг. Что вполне естественно — не звери же мы, в конце концов... Недавно я смотрел трофейный советский фильм — немецкие офицеры были изображены там законченными преступниками, эдакими средневековыми чудищами из кошмаров Иеронима Босха, минотаврами... Я вдоволь посмеялся.

Фон Галем. Может быть, скоротаем время за картами?

Гисслинг. Ничто, мой дорогой, так не обнаруживает умственного банкротства, как игра в карты. Шопенгауэр говорил: не будучи в состоянии обмениваться мыслями, люди перебрасываются картами. Допросы увлекательнее, милый... Прятали они этого дезертира или нет, не так уж интересно, куда занимательнее узнать, какие чувства связывали этих людей... Возьмем этого Ласточкина — несомненно, между ним и Глебовыми что-то было. Разве не любопытно познакомиться с этим поближе? Особенно когда тебя мучает бессонница.

Фон Галем. Вы будете допрашивать Глебову?

Гисслинг. Разрешу себе. *(Нажимает кнопку звонка.)* А вы тем временем проверьте, в каком состоянии находится наш транспорт. Боюсь, что завтра мы отправимся с вами в долгий, долгий путь. Да-да, дружочек, он не за горами — конец войны.

Фон Галем. Ну что ж... Чем раньше кончится эта война, тем скорее начнется следующая. *(Выходит.)*

Гисслинг. Ах, птенчик... *(Подошел к зеркалу, огляделся, показал сам себе язык и хрипло пропел.)* «Спарафучиль — зовут меня...».

Входит Самарин.

Есть новости?

Самарин *(не сразу, с неохотой)*. На Садовой улице подобран труп унтер-офицера. Глубокое ножевое ранение.

Гисслинг. Вот видите, господин Самарин. А Женева требует от нас доброты. *(Отпил немного коньяка.)* Приведите сюда Глебову.

Самарин выходит.

Бац — и одним бедным немцем стало меньше! Нашего милого фон Галема это, несомненно, расстроит... Нападение на германскую армию!.. Еще вздумает требовать компенсации. Но, мой бог, как это все надоело!

Самарин вводит Глебову.

Садитесь, госпожа Глебова. *(Самарину.)* Вы можете идти.

Самарин уходит.

Я хочу предупредить вас — это не допрос, а простая беседа. *(Улыбаясь.)* Необходимо кое-что уточнить. Не больше, Глебова. Спрашивайте.

Гисслинг. Нет-нет, официальный тон нам не пригодится. Постараемся сделать нашу беседу обоюдно приятной. Поверьте, я чувствую к вам большое расположение.

Глебова. Почему?

Гисслинг. Не пойму сам. Вы чем-то напоминаете мою младшую сестру. Я бесконечно любил ее. Она погибла в Берлине полгода назад. Да... война принесла и вам и нам неисчислимы бедствия.

Глебова. Вероятно, ее не стоило начинать.

Гисслинг. Война начинается значительно раньше, чем загремят первые выстрелы. Вот почему трудно бывает определить, кто ее начал. Это не оправдание, но склонен считать, что войну вызвали Польша и Англия — они вынудили нас открыть огонь. Но на Россию напали мы. Вероятно, это наша большая беда, госпожа Глебова.

Глебова (*недоуменно*). Вы... так считаете?

Гисслинг. Загляните в сердце каждого немецкого офицера — после Сталинграда оно кровоточит.

Глебова (*растерянно*). Но если так, то...

Гисслинг. Мы сознаем свою обреченность. Но стойкость и воинская дисциплина для немца превыше всего. Эта двойственность трагична, и нас, вероятно, можно пожалеть, госпожа Глебова.

Глебова. Мне угрожает смерть, и жалеть вас — мне было бы несколько противоестественно.

Гисслинг. Не стоит чересчур драматизировать ситуацию, в которую попали вы, — она носит локальный характер... Но трагедия немецкого солдата, верного не идее, а долгу, — часть общемировой трагедии.

Глебова молчит, несколько растерянная.

Я устал, бесконечно устал... У меня бессонница, безотчетный страх чего-то... И никакого просвета впереди, никаких надежд. (*После молчания.*) Давно вы замужем?

Глебова. Уже двенадцать лет...

Гисслинг. Немалый срок... И вы по-прежнему любите мужа?

Глебова. Вряд ли ответ на этот вопрос может оказаться вам полезным, господин комендант.

Гисслинг. Как знать... Но если вы считаете, что вашему сыну следует дорожить своей матерью, я посоветовал бы вам одно — откровенность. (*Не сразу.*) Знаком вам некий молодой человек по фамилии Ласточкин?

Глебова. Он жил с нами в одном доме — до войны.

Гисслинг. И что вы можете рассказать о нем?

Глебова. Ничего.

Гисслинг (вполне скрывая свое удовольствие). Почему, госпожа Глебова?

Глебова. Я почти не знала его.

Гисслинг. А если я не поверю в это?

Глебова. Но... отчего?

Гисслинг. Он весьма симпатичен мне, этот молодой человек. Но — увы — он подозревается в тягчайшем преступлении против рейха... его вряд ли удастся спасти.

Глебова. Вы... вы, конечно, шутите... Этого не может быть — у вас неверные сведения... Его оговорили! Он не способен на это...

Гисслинг. На что именно он не способен?

Глебова (тихо). Ни на что серьезное.

Гисслинг. Но вы утверждали, что не знаете его.

Глебова. Я говорила неправду.

Гисслинг. Вот как?

Глебова. Он легкомысленный, слабовольный мальчик... И он не мог, понимаете, он не мог совершить то, в чем его обвиняют...

Гисслинг. Я пошутил.

Глебова. Что?

Гисслинг. Ему ничего не угрожает. И вам не следует так волноваться за него, госпожа Глебова. Он вне подозрений. (Улыбнулся.) И знаете почему? Он на очень хорошем счету в полиции. Один из лучших наших агентов.

Глебова. Нет!

Гисслинг. Иногда его подсаживают в камеры к заключенным. Видите ли, он обладает редким умением вызывать к себе доверие окружающих.

Глебова долго молча, в отчаянии глядит на него, потом отворачивается — ее плечи вздрагивают.

Мой дорогой друг, в ваши годы стыдно быть такой доверчивой. Конечно, я пошутил и на этот раз... Простите мне этот маленький обман.

Глебова (тихо). Зачем все это?..

Гисслинг. Нет, он не был нашим агентом. Сказать правду, он слишком для этого ничтожен. *(Повышая голос.)* Но у него хватило подлости сообщить, что он был вашим любовником. Он рассказал об этом со всеми подробностями, и я бы назвал их сверхинтимными.

Глебова *(сидит молча, затем встает и говорит очень спокойно)*. Как вы относитесь к фашизму, господин комендант?

Гисслинг *(не без некоторой патетики)*. Национал-социализм погубил Германию. Я ненавижу нацизм!

Глебова. В таком случае... *(Ударяет его по лицу.)* Хайль Гитлер!

Гисслинг звонит, подходит к Глебовой, похлопывает ее по плечу. Входит Самарин.

Гисслинг. Увести.

Самарин уводит Глебову.

(Потерев щеку.) Нда... чувство меры было где-то утеряно. *(С восторженным изумлением.)* О боги, если бы я сам знал, что в моих словах правда и что ложь!.. *(Радуясь как ребенок.)* Но как увлекательно, как увлекательно...

Миронец *(на пороге)*. Разрешите, господин комендант.

Гисслинг *(с неудовольствием)*. Ну? Что вам еще?

Миронец. Может, и обойдется с эвакуацией, не оставим город, а? Так что ж без дела сидеть? Идейка одна зашла в голову.

Гисслинг. Живее излагайте ее, господин Миронец.

Миронец. Глебов человек ко всему новому ненавистный — вокруг таких всегда недовольные. Вот я считаю: надо бы в больницу к нему навеститься, может, и обнаружим кое-чего интересное.

Гисслинг. Вы вправе заниматься этим и без моих приказаний.

Миронец. Вношу предложение. Дозвольте взять Глебова с собой, под охраной, естественно. Пусть будет сопровождать нас.

Гисслинг. Мой бог, как вы неиссякаемы! Ну хорошо — у меня бессонница... а вы? Неужели вам не хочется вздремнуть немного, отдохнуть?

Миронец (отчаянно). Нельзя бдительность утеривать. А вдруг, повторяю, чего и обнаружится. Душа всегда должна к делу рваться.

Картина девятая

Камера. Не спят Глебов, Коверга. Отворяется дверь, входит Глебова, за ней — Самарин. Медленно, словно ничего не видя, проходит Глебова по камере, останавливается возле спящего Ласточкина, долго смотрит на него, потом оборачивается, подходит к скамейке, на которой она спала, опускается на нее и сидит молча.

Глебов (подходит к ней). Он бил тебя?

Глебова (тихо). Нет. (Опускает голову.)

Глебов (жестко). О чем он тебя спрашивал, этот немец?

Глебова. Это трудно повторить, Боря. (Слабо улыбаясь.)

Я даже не понимаю, зачем все это... Чего он добивался...

Самарин. Караульного подменить не удалось.

Коверга. Значит... рассчитывать не на что?

Самарин. Попытаюсь достать вам оружие.

Коверга. Хоть бы два револьвера... и нож.

Самарин. Но главный расчет все же не на это.

Глебов. На что тогда?

Самарин (помолчав). Он странный человек — наш комендант... Никак не пойму его. Иногда ему случалось отпускать на волю людей, которые были обречены. Это было всегда непоследовательно. И тогда он усмехался и говорил: пути господни неисповедимы.

Коверга. Верит в бога, что ли?

Самарин. Нет. Вот разве в черта? (Посмотрел на нит.) Сделаю, что могу. (Уходит.)

Коверга. Слишком много странных людей... И этот Самарин тоже... фигура неясная.

Миронец (входит). Гражданин Глебов, извиненьице, но прошу следовать за мной.

Глебов. Прощаться?

Миронец. Зачем же? Еще вернемся.

Глебова (берет руку мужа). Это на допрос, верно... Не бойся ничего... Он даже какой-то вежливый. Только не верь ему. Что бы он ни говорил, не верь.

Миронец (нетерпеливо). Ладно, пошли.

Глебов и Миронец уходят.

Леля (проснулась). Ой, что это?

Зайцев. Глебова увели.

Леля. На допрос?

Зайцев. А куда еще? Утро-то не скоро. (Помолчав.) Ну, что носом хлюпаешь?

Леля. Мама, верно, не спит.

Зайцев. Обойдется.

Леля. Я ведь так держусь спокойно для него только. (Показала на Эдика.) А на самом деле я уж понимаю, что нам не выбраться.

Зайцев. Выберешься. Ты меня держись. Меня они пять раз кончали — а я живой.

Леля (шепотом). А вы им что — очень опасный человек?

Зайцев. Кто я им такой, они про то и не знают. Ладно, придет час.

Леля. Я ведь еще и потому боюсь — у меня, может быть, сын родится... в ноябре.

Зайцев (поглядел на нее с осуждением). Что же ты... Дитя ведь совсем.

Леля. А мы очень любили друг друга.

Зайцев. Дура ты... У меня тоже вон дочь — в твоём возрасте... Если бы я про нее такое узнал — голову оторвал бы.

Леля. И было бы глупо. Если человек любит другого — тогда все возможно.

Зайцев. Ну, знаешь, с такими понятиями всему бы хана пришла. (Озлился.) Спи лучше. (Покрыл ее своей курткой.) А то расстраиваешь меня только.

Леля (помолчав). Слушайте...

Зайцев. Ну?

Леля. А как дочку вашу зовут?

Зайцев. Васенька.

Леля. Как это?

Зайцев. Ну Василина, поняла?

Леля (не сразу). А вы партийный?

Зайцев (в ярости). Спи, дура.

Леля. Вот вы состаритесь, а ваша дочь будет вас осуждать за грубость.

Зайцев. Это точно. Кончится война — вы нам дадите жизни. Натерпимся. Спи! Чтоб я тебя не слышал более.

Замолкают оба.

Глебова. Андрюша...

Коверга. Ну?..

Глебова. Скажите мне правду.

Коверга. О чем?

Глебова. Только не лгите.

Коверга. Ладно.

Глебова. Нам не выбраться отсюда?

Коверга. Не знаю.

Глебова. Правду.

Коверга. Нет, наверно.

Глебова. Вот. Теперь вы добрый — сказали правду.

Коверга. Добрый... не люблю этого слова. Добротой часто называют ложь. (Смотрит на нее.) Но быть истинно добрым — величайшее счастье, наверно. Но, кажется, мы забыли это. На всей земле.

Глебова. А разве те, кто сейчас там умирает за нас, не добрые?

Коверга. Ты права.

Глебова. Ты?..

Совсем близко, почти рядом конвойный заиграл на губной гармошке.

Коверга *(не сразу)*. Как-то в воскресенье, это было давно, года четыре назад, я зашел к вам... Левка тогда еще был совсем невелик — пятилетний пацанчик, ты купала его в большом корыте... Уж почему в корыте — не помню, была ведь у вас ванна. Он весь в мыле сидел, взъерошенный... А ты стояла возле в розовом фартучке, вся освещенная солнцем... И рядом под окном работал точильщик — ножи точил...

Глебова *(после молчания)*. Я не помню.

Коверга. А тебе и нечего помнить.

Картина десятая

Кабинет Гисслинга. Гисслинг и Самарин.

Самарин. Ну, вот и ночь на исходе. Ждали дождя, но гроза прошла мимо. В мае у нас по ночам бывают сильные ливни.

Гисслинг *(негромко)*.

Ложь и жизнь — два братика-близнеца,
Одетые в бедные матросские курточки,
Бегают взапуски, взявшись за руки,
И резвятся, подстреленные на развалинах Европы.

Самарин. Мне кажется, вам следовало бы отдохнуть, господин комендант.

Гисслинг. Да. Вероятнее всего. Утомился веселить самого себя. Слишком много было сыграно ролей. И только одна сегодня не сыграна. За отсутствием подходящего материа-

ла. *(Вспыхнув.)* Ну хорошо — ничего всерьез, роли, роли и роли... Но каков же ты на самом деле? Твое лицо, дружище!

Самарин *(осторожно)*. Можно было бы и не пить больше, господин комендант. Вы очень устали.

Гисслинг. Увы! Но когда я устаю, я смертельно хочу одного — стать самим собой. Но это неисполнимо. И знаете почему?

Самарин. Нет, господин комендант.

Гисслинг. Меня, кажется, не существует. Абсолютно. Но плюс это или минус — неизвестно. Да, все крайне смутно... почти фантастично. Даже вы, Самарин, в вас есть нечто ирреальное. Но вы мне крайне симпатичны — вы чем-то напоминаете моего младшего брата... *(Тихо засмеялся.)* Хотя вам, вероятно, уже пошел шестой десяток.

Самарин. Пятьдесят три, господин комендант.

Гисслинг. Три!.. Слишком точно для такой почти неосязаемой фигуры. Кто вы и зачем? *(Вдруг по-прокурорски.)* Кем были?

Самарин. До войны я служил кассиром в сберкассе. Правда, лет двадцать назад я рассчитывал на большее, ведь у меня высшее образование... Но в тридцать седьмом меня посадили в тюрьму.

Гисслинг. Понимаю.

Самарин. Нет, вам никогда не понять этого, господин комендант.

Гисслинг *(почему-то трезвеет)*. Вы — странная личность, Самарин. Почему вы пошли работать в полицию?

Самарин *(серьезно и просто)*. Чтобы оказывать помощь людям, попавшим в беду.

Гисслинг *(после некоторого молчания)*. Вы хотите меня развлечь.

Самарин. Не совсем так. Ночь на исходе... И кто знает, увидимся ли мы с вами когда-нибудь.

Гисслинг *(задумчиво)*. Вы мне снитесь, Самарин?

Самарин. Нет... Просто у меня возникло непреодолимое желание сказать вам правду. Да, я старался помогать людям, которых мне приходилось арестовывать и конвоировать.

Гисслинг (он отрезвел окончательно). Господин Самарин, ваша откровенность носит несколько пугающий характер.

Самарин. Есть некоторые обстоятельства, позволяющие мне быть с вами предельно откровенным. Я разъясню их немало позднее.

Гисслинг (вежливо). Может быть, мне следует арестовать вас?

Самарин. Успеется, господин комендант. Видите ли... Я не считаю вас слишком дурным человеком. Вы неоднократно отпускали людей, расстрелять которых не стоило большого труда.

Гисслинг. Убивать людей без разбора никогда не было моей программой.

Самарин. В ваши времена это уже нечто, господин комендант.

Гисслинг. Кого же теперь я не должен убить?

Самарин. Всех, кто привлечен по делу дезертира Шольца. Они невиновны, и вы сделаете доброе дело, отпустив их по домам.

Гисслинг. Может быть, я так и поступлю — кто знает... Но не кажется ли вам, Самарин, что за все ваши признания вы вполне заслуживаете выстрела в затылок у свежерытого рва. Вероятно, вы еще не забыли этой картины? Или вы считаете, что эвакуация зондеркоманды совершенно обезоруживает нас? Почему вы улыбаетесь?

Самарин. Я одинокий человек. У меня нет жены. Нет детей. И я уже давно забыл, что такое радость. И вот сейчас... совсем неожиданно мне стало весело.

Гисслинг. Весело?

Самарин. Я почувствовал себя свободным. Страх пропал. И все это потому, что я сказал правду.

Гисслинг. Боюсь, что вы поступили неудачно. Жизнь и правда несовместимы.

Самарин. Значит, правда важнее жизни. А теперь я открою вам причины моей откровенности. Да, я пошел в полицию, чтобы облегчать людям их участь... Но меня страшит мысль, что не в том только дело. А что, если я хотел еще и выжить? Настал день, когда я должен доказать самому себе, что занялся этим не для того, чтобы спасти свою шкуру.

Гисслинг. Что же вас может избавить от сомнений?

Самарин. Только собственная смерть, господин комендант. Только она сможет доказать, что страх потерять жизнь не играл никакой роли. Теперь вы понимаете, почему я больше не боюсь вас?

Гисслинг. А вам не кажется, Самарин, что ваша откровенность и эта чисто русская жажда искупления продиктованы всего лишь военной ситуацией? Уверены ли вы, что, если бы военное счастье улыбалось нам, вы были бы настроены столь же героично?

Самарин (*значительно*). Ваш вопрос заставляет меня еще больше не бояться смерти. (*Помолчав.*) Кроме добра я делал людям и зло. Страшное зло... Правда, я не мог поступить иначе. Вся суть в том, что ничего нельзя делать наполовину. Даже во имя добра! Каждый компромисс оставляет несмываемые пятна.

Гисслинг (*сумрачно*). Сегодня я уже слышал нечто подобное. (*Вдруг отчаянно вскрикнул.*) Но где человек, сказавший это?

Самарин. Теперь у вас есть только два выхода, господин комендант. Не убивать их или заодно с ними расстрелять и меня. После всего, что я сказал вам,— у вас только два этих выхода.

Гисслинг. У меня есть в запасе и третий. Отпустить их с миром и расстрелять вас. Единственного.

Самарин. И как же вы поступите?

Гисслинг (*тихо, улыбаясь*). Самарина и этих людей, вероятно, спасет одно... Сегодня я играл разные роли. Кроме одной. Благородного героя...

Картина одиннадцатая

Камера. В углу на скамейке зашевелился Ласточкин. Проснулся и дремавший рядом Мартинелли; с опаской поглядывает он на Ласточкина.

Мартинелли. Вы... вы нездоровы, Женечка? всю ночь вы что-то шептали во сне.

Ласточкин. Уже светает?

Мартинелли. Нет, но скоро утро.

Ласточкин. Мартинелли, солнышко, очень голова болит. Все как-то странно... Зачем он меня напоил?

Мартинелли. Вероятно, с вами случилась страшная беда. Вы были такой ожесточенный... За что вас сюда посадили?

Ласточкин. Не знаю...

Мартинелли *(не без гордости)*. А меня за то, что я сказал со сцены: «Гитлер капут»... Я осмелился — вы понимаете, Женечка? У меня теперь свободно на душе — я пересилил страх, сказал правду. Это было так прекрасно.

Ласточкин. Но они вас за это наверняка повесят.

Мартинелли. Может быть. Хотя об этом знали только в тюрьме, а когда ее разбомбило, почти все погибли или разбежались... Только я и вот он *(показал на Зайцева)* не успели. Комендант спрашивал нас, за что мы сидели, но мы говорили: не знаем, не знаем... Поэтому у нас есть шанс остаться живыми. Но дело, конечно, не в этом: я все-таки сказал «Гитлер капут»... Я это произнес, не так ли?

Ласточкин. Произнесли.

Мартинелли. Вот видите! Я сказал — то, что сказал. Тут уж все.

Ласточкин. Несомненно. *(Встает, нетвердой походкой подходит к другому концу камеры, где, закрыв глаза, сидит*

Глебова. Долго смотрит на нее. Затем беспокойно оглядывается). А он где же? Был ведь здесь... Или мне приснилось? Что ли, убили его?

Коверга (тихо). Женя...

Ласточкин. А? (Подошел к нему.)

Коверга. Бориса Ильича увели.

Ласточкин. Совсем?

Коверга. Злой ты какой.

Ласточкин. Нет. Безразлично. Я просто потерянный. Совсем. (Посмотрел в сторону Глебовой.) А их ненавижу.

Коверга (тихо). Ее и в мыслях не тронь. (Не сразу.) Не знаешь ничего.

Ласточкин. Да, так и живу — ничего не знаю. Скоро четвертый год. (Поглядел на Ковергу.) Просто?

Коверга. Лютое время, парень. Только о себе думать — пропадешь.

Ласточкин. А я и пропал. Безразлично.

Коверга. Поговори с ней.

Ласточкин. А на кой?

Коверга. Может, завтра и жить не будем.

Ласточкин. Возможно все.

Коверга. Будь добрый — поговори.

Ласточкин. Вам-то какая прибыль?

Коверга. А этого тебе, дураку, не понять.

Ласточкин. Спит она. У ней глаза закрыты.

Коверга. Неужели, думаешь, она может... в такой час?

Ласточкин. Все она может. Если так она тогда посмеялась... все может. (Подходит к Глебовой, взглядывается в ее лицо. У него перехватывает дыхание, и он робко и покорно садится возле нее на скамейку, безвольно опустив свои ставшие почти детскими руки.)

Глебова (не открывая глаз, негромко). Ну, что молчишь, Женя? Говори. Я все стерплю.

Ласточкин. Как же ты могла?

Глебова. Нашлись все-таки силы.

Ласточкин. Значит, все неправда была?

Г л е б о в а. Все правда.

Л а с т о ч к и н. Нельзя было со мной так поступить. (*По-детски.*) Это против всего было.

Г л е б о в а (*открыла глаза, поглядела на него*). Наверно.

Л а с т о ч к и н (*тихо*). Что ж ты плачешь?

Г л е б о в а. Пройдет.

Л а с т о ч к и н. Кем я был, когда тебя нашел, помнишь? Ничто. Слепой просто. То ли женщины мне такие попадались, что я уж забыл во все хорошее верить. Ладно, думал, все игрушечки. А потом — ты... И я всему поверил, все увидел! Помнишь, какой ходил счастливый, радовался, радовался: есть, значит, для чего жить! И когда ты меня одного оставила, это не измена была, а во сто раз хуже — точно весь мне белый свет черной краской залила.

Г л е б о в а (*почти без интонаций*). Миленький ты мой...

Л а с т о ч к и н (*вдруг заговорил быстро, беспорядочно*). Какой тогда был страшный день двадцатое июня ты должна была ко мне в Чернополь приехать и уж навсегда ведь мы за неделю до того условились и я первый в Чернополь приехал комнату нам нашел и какие-то покупал занавесочки тахту шкаф очень красивый ведь мы еще восемнадцатого по телефону с тобой говорили и ты все смеялась еду еду миленький и я все представлял как ты приедешь и что мне скажешь и как у нас все будет какая ночь какое утро какая долгая жизнь я ведь тебе две чашки купил редкого производства и еще туфельки красненькие домашние и с утра двадцатого начал ждать весь день от окошка не отходил смотрел на улицу где же ты где же ты а потом всю ночь прислушивался как дверь стучала и когда уж утро подошло снова в себе силы нашел ждать весь день двадцать первого и опять не дождался и когда двадцать второго город бомбить начали понял что конец и три дня ходил как потерянный немцы нас бомбят а мне кажется что это ты ты против меня и вот тогда я решил снова в наш город вернуться в армию мне надо было идти ведь с учета я не снялся когда в Чернополь уезжал а во-

енкомат мой здесь был и вот я пошел сюда пешком поезда уж не ходили и навстречу мне беженцев толпы на Восток идут и только я один на Запад им навстречу я и сам не понимал то ли я к тебе шел то ли к самому себе Ласточкину Евгению Романовичу одна тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения но немцы все дороги бомбили и я шел уж сколько дней не помню и вот как-то утром гляжу наша армия мне навстречу отступает и тогда я тоже повернул осознал что потерял тебя навеки а в Чернополе уже немцы и я с ними с ними в одном городе но у меня последняя надежда была я в нашу комнату вбежал думал вдруг ты наперекор всему нашла меня но это были всего мои глупые бедные мечты и только в коридорчике стояли твои красные туфельки так ты и не надела их ни разу а я лег на пол положил голову на табуретку и заплакал как никогда потому что понял что ты меня предала обманула и что у тебя волчье сердце но так мне и надо ведь я ничто и никто а может даже презренный дезертир...

Г л е б о в а (очень тихо). Как же ты жил эти три года?

Л а с т о ч к и н. Жил? Безразлично. С артисточкой сошелся. Немцам на кларнете играл. Как сволочь.

Г л е б о в а (неподвижно). Да... Теперь знаю — виновна. И то, что ты такой,— моя вина. Всем добра хотела, а где оно... (Вскрикнула.) Доброта... Будь она проклята, эта доброта! И Боря все три года мучается, видит, что не люблю его...

Л а с т о ч к и н. Зачем же ты тогда?

Г л е б о в а. Не отпустил он меня — на коленях стоял... умолял, умереть грозился... И я не посмела уйти. Долг свой святой в том увидела, чтобы с ними навеки остаться. Вот и вся песенка.

Л а с т о ч к и н (тихо дотронулся до ее руки). Бедная...

Г л е б о в а. Он был хорошим отцом, а я, верно, плохой матерью, меньше любила сына, чем отец. (Вдруг поглядела на

Ласточкина и улыбнулась наконец ласково.) Может, оттого, что он разлучил нас с тобой?

Ласточкин (задыхаясь от подступивших слез). А ты можешь меня такого любить? Бессильного, ничтожного... слабого?

Глебова. Это ж моя вина, Женя... Все равно, ты мне на всем свете самый родной...

Ласточкин (заулыбался вдруг). Видишь, видишь!.. Еще несколько часов назад все мне было все равно — даже жизнь... Безразлично. А теперь после того, что сказала, я одно себе твержу — не умереть... только бы не умереть...

Картина двенадцатая

Кабинет Гисслинга. Гисслинг. Входит фон Галем.

Фон Галем. Весь транспорт в полном порядке.

Гисслинг. Весьма кстати. Я только что получил инструкции — правда, предварительные — об эвакуации.

Фон Галем. А сам приказ о ней?

Гисслинг. Еще не отдан. Но его можно ждать каждую минуту. *(Звонит по телефону.)* Говорит Гисслинг. Солдаты не покидают казарм. Ждите дальнейших инструкций. *(Вешает трубку.)* Вы опечалены?

Фон Галем. Нас не учили отступать. И мы делаем это крайне посредственно. *(Усмехнулся.)* Без должного блеска. *(Подходит к висящей на стене карте Европы.)* Бедная карта, она вся изранена вашими флажками... Нет, довольно ее терзать, все и так ясно... Польшу, Чехословакию, Болгарию и Югославию они несомненно приберут к рукам... Грецию, вероятно, тоже. Венгрию... Ну, это сомнительно, хотя... все висит на волоске — даже Италия, даже Франция...

Гисслинг. Я все жду, когда вы скажете — даже Германия.
Фон Галем *(сумрачно)*. Это невозможно.

Гисслинг. И все же... Если Германия станет коммунистической, будете вы по-прежнему офицером ее армии?

Фон Галем. Нелепый вопрос. Я останусь в немецкой армии, кто бы ею ни командовал.

Гисслинг. Недурно! *(Звонит.)* Надеюсь, что в роли коммунистического маршала вы завоюете нам наконец Лондон.

Входит дежурный офицер.

Передайте этот пакет капитану Рихтеру. Этот — оберлейтенанту Вольфу. И не будьте слишком медлительны.

Офицер. Слушаюсь. *(Берет пакеты и уходит.)*

Гисслинг. Количество транспорта у нас крайне невелико. А тут еще эти полицаи... Что нам делать с арестованными? Везти их с собой вряд ли рентабельно. У нас всего два выхода — расстрелять или отпустить на волю.

Фон Галем. Что же вы изобретете для них, господин неожиданный майор?

Гисслинг. Убивать их без суда как-то не хочется — не звери же мы, в конце концов... *(Небрежно.)* Пожалуй, можно было бы отпустить их по домам.

Фон Галем. Всех?

Гисслинг. Господь бог, какая кровожадная интонация, Генрих!

Фон Галем *(показывая на бутылки)*. Две бутылки за ночь, господин майор.

Гисслинг. Я пил не один.

Фон Галем. Коньяк лишает человека разума — он делает его гуманистом.

Гисслинг. Быть гуманистом по четвергам не так уж много, Генрих.

Фон Галем *(смеется)*. Наконец-то убедительный довод! Хорошо, отпустим их по домам, ваших подопечных.

Телефонный звонок.

Гисслинг (берет трубку). Да. Майор Гисслинг слушает, господин генерал. Да, приступлю немедленно. Точно так, к семи утра закончу эвакуацию. Все в порядке, но маловато транспорта. Нет, ничего существенного не произошло. Да, это мне известно, унтер-офицер Берг найден убитым на улице. Господин генерал, я не знал, что это касается вас лично. Да, вероятно, я поступил либерально. Нет, заложников у меня нет. Арестованных восемь. Трех за одного? Слушаюсь, господин генерал. Что я могу делать с остальными? Понимаю. На мое усмотрение. Хайль Гитлер. (Вешает трубку и звонит снова.) Капитан Зикс, приказ получен. Действуйте. (Вешает трубку.) Итак, Генрих,— эвакуация.

Фон Галем (внимательно смотрит на него). Любопытно. Ночью в городе убит немецкий солдат, а я только сейчас узнаю об этом.

Гисслинг. Увы, к сожалению, бедняга оказался родственником генерала.

Фон Галем (резко). Он был немецким солдатом, а вы хотите отпустить задержанных, пальчиком их не тронув. Что за романтические фантазии?..

Гисслинг. С фантазиями покончено. Генерал приказал ликвидировать троих.

Фон Галем. И он несомненно прав. Времени у нас немного — определим кандидатуры.

Гисслинг. Ну что ж... А пятеро остальных пусть еще подышат этим сладостным земным воздухом.

Фон Галем. Прежде всего, конечно, Зайцев. В тюрьме он сидел в одиночке, а это уже немало.

Гисслинг. С ним решено. Далее.

Фон Галем. Брянский-Мартинелли.

Гисслинг. Но он же артист... Мой бывший коллега.

Фон Галем. Андрей Коверга.

Гисслинг. Нет.

Фон Галем. Глебов.

Гисслинг. Нет.

Фон Галем. Ласточкин.

Гисслинг (улыбнулся). Что вы, Генрих...

Фон Галем. Жена Глебова и девочка отпадают — они женщины. Остается этот юноша.

Гисслинг. Хорошо. (Не сразу.) Пусть Мартинелли.

Фон Галем. Итак — двое. Но кто же третий? Все должно быть логично, Эвальд, — даже расстрел. Убивать пожилых лишено смысла; в будущей войне они превратятся в рухлядь. Иное дело этот юноша, он потенциальный солдат, наш будущий противник. Следуя логике, третьим должен быть он.

Гисслинг (медленно). Признайтесь, Генрих, вы питаете большое пристрастие к Зиновию Миронцу?

Фон Галем. Предатели и перебежчики никогда не вызывали моей симпатии. Но... почему вы спрашиваете меня об этом?

Гисслинг (вдруг усмехнулся). А что, если именно он будет нашим третьим?

Фон Галем. И вы это серьезно мне предлагаете?

Гисслинг. Один подлец на троих не такой уж большой процент, Генрих.

Раскрывается дверь, вахтманы и Миронец вводят Глебова, он жестоко избит, еле держится на ногах.

Гисслинг (с плохо скрываемой яростью). Ну-с... Что все это значит?

Миронец. Докладываю: то, что мы Глебова в больницу повели, не зря было. Я вполне оказался прав. Допросили там кой-кого из женщин, одна раскололась — рассказала все... Глебовы и Коверга под видом больных прятали пленных, что из лагеря бежали. И раньше такое же бывало. В том помогали им фельдшер Левкович и санитар Каргин, оба отпетые негодяи. Ночью, когда они про арест Глебова узнали, тотчас вывели из больницы прятавшихся и сами с ними ушли. Где они сейчас — неизвестно, но я дознаюсь. Во время обыска обнаружено среди старого пла-

тъя два автомата, вполне пригодных, и револьвер неизвестной мне системы.

Гисслинг (указывая на Глебова). Почему он в крови?

Миронец. Били его — уйти хотел, стерва.

Гисслинг. Что вы можете сказать, Глебов?

Глебов. Всех вас перевешаем.

Миронец. Врешь! (С яростью ударяет Глебова, тот падает на пол.)

Фон Галем. Что за самоволие?! Будете отвечать за это, Миронец.

Миронец. Как же так, господин обер-лейтенант, я же старался!..

Гисслинг (вдруг вскрикнул). К чертям вас всех! (Вахманам, указывая на Глебова.) Уберите его.

Вахманы выносят Глебова.

Миронец. За что же к ответу меня? Он подлец и предатель, ну, не сдержался я, простите... но за что же к ответу? Чистосердечно ведь я... (Вытянулся.) Разрешите приступить к дальнейшим розыскам.

Гисслинг. Поздно. Мы эвакуируемся.

Миронец (он потрясен). Сдаете город! Эх... Сдаете?

Фон Галем (в ярости). Это еще что за выкрики?

Миронец (отчаянно). Простите!..

Гисслинг. Через полчаса мы покидаем город. Соберите ваших людей в районе казармы.

Миронец. Слушаюсь. (Уходит.)

Гисслинг. Отвратительно. Отвратительно, Генрих.

Фон Галем. И все же этих людей придется ликвидировать. Итак — Глебов, Коверга и этот Зайцев.

Гисслинг. Нет. Будем логичны и последовательны до конца. (Пишет.) Андрей Коверга, Борис Глебов, Юлия Глебова.

Фон Галем. Но она... женщина.

Гисслинг. Вы мечтали о логике, милый. Она врач и несомненно помогала мужу. Следовательно, не Зайцев, а она.

Входит Самарин.

Ну вот, дорогой Самарин, люди, которые были вам так симпатичны, оказались...

С а м а р и н. Я знаю, господин комендант...

Г и с с л и н г. Словом, все, как в обычном театре (*усмехнулся*),— мне не удалось сыграть роли, о которой я так мечтал. (*Звонит.*)

С а м а р и н. Я очень сожалею об этом.

Входит дежурный офицер.

Г и с с л и н г. Лейтенант Верф, возникла необходимость расстрелять троих арестованных. Подготовьте людей—через двадцать минут мы покидаем город.

О ф и ц е р. Слушаюсь. (*Уходит.*)

Ф о н Г а л е м. Будете вы присутствовать при нашем маленьком расстреле?

Г и с с л и н г. К чему? И на этот раз обойдется без меня. Господин Самарин, вот список лиц, подлежащих ликвидации. Остальных—можете отпустить. При экзекуции от полиции будете присутствовать вы.

С а м а р и н. Это ваш личный подарок мне, господин комендант?

Г и с с л и н г. Пути господни неисповедимы.

С а м а р и н. Я вас понял, господин комендант. Желаю вам счастья. (*Уходит.*)

Г и с с л и н г (*вдруг повеселев*). Ну, приступим к делу, милый... (*Открывает ящик стола.*) Всю эту писанину придется сжечь... ценные бумаги уже упакованы.

Ф о н Г а л е м. И все-таки... не могу понять, Эвальд, почему вы послали на смерть эту женщину.

Г и с с л и н г (*задумчиво*). В ней было нечто пленительное, дружок. Какая-то неповторимая прелесть и обаяние. Именно поэтому мы и простимся с ней. Надо воспитывать волю, характер. Настают трудные времена. Война позволяла нам быть сентиментальными. Мирное время вряд ли это разрешит.

Картина
тринадцатая

Камера. За окном начался рассвет. И уже никто не спит.

Коверга. Вот и конец ночи.

Ласточкин. Светать стало.

Мартинелли. Теперь уже все решится... Уж дольше нельзя. Сейчас все решится.

Леля (*у окна, Эдику*). А кто это так поет отчаянно?

Эдик. Птица.

Леля. А какая?

Эдик (*улыбнулся*). Неизвестно.

Леля. Ты глупый.

Эдик. Нет.

Коверга (*Эдику*). А помнишь, Картошкин, как мы в такую пору на рыбалку с тобой ходили...

Эдик. Раз даже поймали сома. Личико у него было — вот. (*Показывает, какое большое было у сома личико.*) Потом ты про него песню сочинил.

Коверга. Веселитесь все дома —

Мы поймали вот такого сома... (Засмеялся.)

Ласточкин. Да — жить... жить!

Зайцев (*с презрением*). Заладил — жить...

Мартинелли. А я это понимаю — человек снова хочет жить, когда возвращается к самому себе... когда он себе не чужой.

Зайцев. Дерьмо твои слова. Ничего понять невозможно.

Отворяется дверь, ватманы вносят Глебова, кладут его на скамейку, выходят.

Глебова. Боренька... (*Бросается к нему.*)

Зайцев. Вот, гады, что сотворили.

Коверга (*наклонился над Глебовым*). Борис, открой глаза...
Говори, ну...

Глебов (*еле слышно*). Все хорошо — семеро ушли, Каргин и

Левкович с ними... Андрюша, о нас все знают, лучшего не будет — его не ждите. И ты, Юля, только к худшему будьте готовы... Для нас кончилось все. Юленька, люблю тебя... Отойди, Женя, — тебя не надо... (Замолкает.)

Г л е б о в а. Андрюша... Он умер?

К о в е р г а. Сознание потерял...

Э д и к (кинулся к отцу). Не отдам тебя!

К о в е р г а. Ладно... Спасибо. Только не дури: жизнь — это вещь, понял?

Входят трое вахтманов и Самарин.

С а м а р и н (оглядывает всех, медленно читает бумагу). «По приказу германского командования за укрывание дезертира и диверсионные действия подлежат расстрелу Андрей Коверга, Юлия Глебова, Борис Глебов. Приговор привести в исполнение немедленно. Зайцев Виктор, Брянский-Мартинелли, Эдуард Коверга, Елена Светова, Евгений Ласточкин — подлежат освобождению. Комендант города майор Эвальд Гисслинг».

Долгое молчание. Все недвижимы.

С т а р ш и й в а х т м а н. Зачем так долго? Шнель... быстрее...

Все трое стать сюда. (Самарину.) Фамилии.

С а м а р и н (смотрит в бумагу). Андрей Коверга.

К о в е р г а (становится между вахтманами). Я.

С а м а р и н. Юлия Глебова.

Глебова молча становится рядом с Ковергой.

Борис Глебов.

Молчание.

Борис Глебов...

Л а с т о ч к и н (встает, медленно идет к Юлии, становится с ней рядом). Я.

М а р т и н е л л и. Не надо так... Не надо.

Л а с т о ч к и н (берет руку Глебовой). Вот... Теперь все хорошо.

Глебова (тихо). Да. Мы вместе.

Ласточкин. Навсегда теперь.

Эдик (подняв сжатые кулаки, смотрит на отца). Я тебя люблю. Помни.

Старший вахтман. Пошли.

Самарин. Погодите...

Старший вахтман (обернулся). Что-нибудь не так?

Самарин смотрит на Глебову, та словно в знак согласия опускает голову.

Самарин. Нет. Все правильно.

Старший вахтман (почти добродушно). Тогда пошли.

Отворяется широкая дверь, которая до сих пор была как бы скрыта от наших глаз. За предрассветным туманом виднеются слабые, милые очертания жизни. В тишине очень явственно слышно, как поют птицы. В углу шевельнулся лежавший без памяти Глебов.

Ласточкин. Идемте... Скорее... Скорее...

Коверга (провел рукой по голове Ласточкина, обернулся к Эдику). Бойся стать бесхарактерным, мальчик.

Ласточкин, Глебов и Коверга в сопровождении вахтманов выходят в раскрытые двери. Самарин следует за ними. Двери закрываются. Оставшийся в камере вахтман открывает дверь, ведущую в коридор.

Мартинелли. Боже мой... Женя...

Эдик (Леле). Не смей плакать... Молчи.

Зайцев. Ошиблись, дурачье, не убили... За это отплачу.

Вахтман (указывает на дверь). Можно выходить... свобода...

Комендант разрешил...

Леля (со страхом смотрит на окаменевшего Эдика). Эдька...

Эдька...

Темнота. В тишине бьют барабаны. Вскоре снова дается свет, и в пустую камеру вслед за Гисслингом быст-

ро входит фон Галем. И только с первыми произнесенными словами барабаны перестают бить.

Фон Галем. Скоро семь. Личные вещи и архивы уже уложены. Время ехать, Эвальд.

Гисслинг (задумчиво). Да.

Фон Галем. Вы устали?

Гисслинг. Очень. (Усмехаясь.) Слишком много было сыграно за эту ночь ролей. Кроме одной.

Фон Галем (помолчав). Поистине странная блажь — посетить перед отъездом эту комнату.

Гисслинг. Кое-какие детали... Может быть, они пригодятся для книги. Остаток пирожка... Чей-то гребешок... Голубой платочек... Глебова забыла. (Аккуратно сворачивает платочек и прячет его в карман.) Вот и все, кажется. (Прислушивается.) Тихо... Слышите эту тишину? Кажется, за всю войну не было такой тишины. (Неожиданно.) Мне грустно.

Фон Галем. Что так?

Гисслинг. Мы хорошо начинали.

Фон Галем. Мы блистательно начинали, Эвальд. Но скоро у каждого немецкого офицера останется только одна боевая задача — в плен попасть не к русским.

Миронец (входит). Господин комендант, остаток полицейского взвода в количестве девяти человек ожидает у казарм.

Гисслинг. Где Самарин?

Миронец. Самарин застрелился.

Гисслинг молчит и утвердительно кивает головой.

Разве не дурость...

Гисслинг. Застрелился. А вы — нет.

Миронец (самоабвенно). А я — нет, господин комендант.

Гисслинг. Садитесь вместе с людьми в грузовик семьдесят три восемнадцать и отправляйтесь к продскладу — надо погрузить кое-какие мелочи.

Миронец. Слушаю, господин комендант. (Уходит.)

Гисслинг. После того как они погрузят остаток продовольствия, вы дадите распоряжение, Генрих, не сажать их в машины.

Фон Галем. Я понял. (Усмехнулся.) Бедный Миронец.

Гисслинг. Я предпочту ящик коньяка — Зиновию Миронцу. (Подходит к стене.) Эти надписи бывают весьма любопытны. (Вынимает записную книжку.) «Проклятье вам, кровавые палачи, фашисты»... (Записывает.) «Людочка, милая, никогда уж тебя не увижу»... «Мама, умираю честным, как ты сказала. Сережка»... «Красная Армия, мсти за нас»... «Люди, не забывайте, как мы умирали, — горе всем народам, если вы опять позволите это»... (Прячет записную книжку в карман.) Что скажете, Генрих?

Фон Галем (улыбаясь). Вероятно, народы позволят. Они вежливы, благовоспитанны, беспечны и забывчивы.

Гисслинг. Кстати, не забыл ли я своих ночных туфель?

Фон Галем. Я сам видел, как вы положили их в чемодан.

Гисслинг. Тогда пошли! Итак, одна эра сменяет другую — кончается правда фашизма, наступает ложь парламентаризма.

Бьют барабаны. Генрих фон Галем и Эвальд Гисслинг быстро выходят из комнаты.

Занавес

1966